

Эпизод 1

Глава 1. Протокол «Заслон-3»

Время: 02:14. Локация: Сектор 4-12, Саркофаг.

Над бетонным панцирем Степногорска-16 висела мертвая, стерильная тишина. Луна заливала Зону фосфорическим светом, превращая многокилометровое поле бетона в поверхность чужой, безжизненной планеты. Полгода официальных сводок из Москвы твердили одно и то же: «Объект стабилен. Биологическая активность — ноль».

Тишину разорвал нарастающий гул турбин. Со стороны временного аэродрома на предельно малой высоте шли три борта. Две «восьмерки» Ми-8, под завязку набитых регистраторами и био-сканерами, и ударный Ми-24 «Крокодил», висящий чуть выше и в стороне для прикрытия.

— «Центр», я «Первый». Прохожу над квадратом 4-12, — голос пилота ведущего Ми-8 в эфире был сухим. — Визуально всё спокойно. Начинаю контрольный замер... Стоп. Что за чертовщина?

Стрелки на приборной панели «Первого» внезапно сошли с ума. Цифровые регистраторы выдали сплошную полосу помех, а био-сканер, до этого ровно пищавший на нижней границе фона, захлебнулся в истошном вое.

— «Центр»! Фиксирую резкий тепловой выброс в секторе 4-12. Поверхность бетона... вижу разлом. Прямо по осевой линии саркофага. Идет пар. Нет, это не пар!

Из трехметровой трещины, змеившейся по монолиту, под чудовищным давлением вырвалась густая буро-красная взвесь. Она била фонтаном, мгновенно сворачиваясь в воздухе в плотные, пульсирующие жгуты.

— Зашкаливает! — заорал пилот. — Это не фон, это прямое нарушение герметизации. В воронке движение! Оно лезет наружу!

— Всем бортам! Протокол «Заслон-3»! — рявкнул дежурный по объекту. — Стерилизация сектора немедленно. «Третий», огонь по готовности!

Пилот Ми-24 перевел тумблеры в боевое положение. Залп неуправляемых ракет распорол ночную тьму, ударив точно в разлом. Огненные шапки взрывов должны были превратить всё живое в пепел, но у мутировавшего субстрата были другие планы. Вместо затишья из воронки, поглощая энергию термического удара как катализатор, вырвалось колоссальное облако багровой взвеси.

— «Центр», нас атакуют! Красный туман... он плотный! Отростки на винтах! Срыв пот... Обе «Восьмерки» мгновенно окутались багровыми нитями. Биомасса выстреливала прямо из воздуха, формируя вязкую паутину. Многотонные вертолеты не просто замерли в статике — они начали стремительно менять структуру. Тварь пожирала их металл и пластик, используя сталь обшивки и композит лопастей как строительный каркас для своего роста. Экипажи машин пошли на «десерт»: крики людей в эфире смешались с чавкающим звуком лопающегося полимера и скрежетом перевариваемого титана. За несколько секунд два вертолета превратились в бесформенные биомеханические опухоли, висящие над разломом.

— А-а-а! Оно в кабине! Оно лезет через уплотнители! — последние слова пилота «Первого» захлебнулись в хлюпающем звуке.

Пилот «Крокодила» рванул рычаг на себя, уходя на форсаже из зоны поражения. В вираже вертолет на секунду зацепил край бурого облака. Несколько маслянистых капель, почти незаметных на фоне гари и копоти, втянуло в воздухозаборник двигателя. Еще пара мазков легла на обшивку в районе узла крепления крыла.

Дворники бессильно размазали дрянь по бронестеклу. Бурые пятна тут же начали сегментироваться, превращаясь в тонких, едва видимых червей. Они не просто стекали — они грызли. Один из паразитов мгновенно нашел технический зазор и исчез внутри корпуса, устремляясь к теплу масла и сладкому запаху живой органики в кабине. Борт-3 взял курс на базу, унося в своих узлах и агрегатах незаметную, расчетливую смерть.

Глава 2. Эффект домино

Ми-24 коснулся бетонки аэродрома «Зеро-1» с тяжелым ударом, едва не подломив стойки шасси. Пилот не стал дожидаться полной остановки винтов — он вывалился из кабины, срывая шлемофон и жадно глотая пыльный воздух. Его била крупная дрожь. Техперсонал в защитных костюмах рванул к дымящейся машине, но старший сержант техслужбы, стоявший в оцеплении, осадил их резким окриком.

— Дистанция десять метров! Группе досмотра — замерить фон и био-активность. Живо! Пилот, размазывая по лицу копоть вперемешку с бурой слизью, только бессвязно тыкал пальцем в сторону горизонта, где над Зоной еще висело зловещее марево.

— Там... там «Восьмерки» сожрали... прямо в небе. Сержант, это не дым был. Оно живое, оно нас ждало!

Пока на полосе шла суeta, из сопла правого двигателя, еще пышущего жаром, выскользнул тонкий красный жгут. Он на секунду замер на бетоне, а затем стремительно метнулся в сторону дренажной решетки. Капля бурой грязи на узле подвески крыла начала сегментироваться, превращаясь в едва видимых червей, которые тут же поползли вглубь аэродромных коммуникаций.

В штабе управления тем временем воцарилась гробовая тишина. Командование смотрело на последние кадры с регистратора: на экране в лобовое стекло вертолета впивалось нечто, похожее на пульсирующее мышечное волокно. Решение было принято мгновенно. Бюрократическая машина, испуганная масштабом провала, включила режим полного уничтожения.

Через сорок минут на военном аэродроме Чаган взревели двигатели тяжелых стратегических бомбардировщиков Ту-95МС. Громадные машины, груженные спецконтейнерами с термитной смесью «Т-1000», тяжело оторвались от полосы и взяли курс на Степногорск-16. Лететь оставалось недолго — цель была почти под боком. Бомбардировщики шли на большой высоте, не входя в зону предполагаемого поражения. Когда приборы наведения зафиксировали координаты Саркофага, открылись массивные люки. Контейнеры пошли вниз, рассыпаясь в воздухе на тысячи мелких сегментов. Над Зоной разверзся настоящий ад. Термит не просто горел — он превращал верхний слой почвы, бетона и металлоконструкций в кипящую, белую лаву. Температура в эпицентре достигла таких значений, что сам воздух начал светиться. Огненный шквал

должен был выжечь всё живое на глубину до десяти метров, превращая Степногорск в оплавленное стеклянное поле. Система верила, что на этот раз вопрос закрыт окончательно.

Глава 3. Материнский инстинкт

В кабинете инспекции по делам несовершеннолетних пахло казенной хлоркой и старой бумагой. Лена в сотый раз перечитывала официальный бланк, датированный серединой сентября 1989 года. «Пропал без вести при выполнении интернационального долга в Республике Афганистан». Прошло полгода. На дворе стояла весна девяностого, войска давно выведены, а военкомат продолжал слать эти липовые бумажки, словно заведенный механизм, у которого заклинило шестерни.

Лена знала: Андрей ни в каком Афгане погибнуть не мог. Его призывали здесь, в местном «верхнем» военкомате городка, и те, кто уходил с ним в одном эшелоне, тоже не походили на будущих «афганцев». Сегодня она снова встретилась в сквере у старого кинотеатра с Марком — тем самым парнем из международной организации по поиску пропавших. Он был осторожен, но кое-что накопал.

— Лена, официально ваш сын в списках сороковой армии, — тихо сказал Марк, прикуривая вторую сигарету подряд. — Но по моим каналам... в общем, забудьте про Кандагар. Эшелоны с призывниками из вашего военкомата в ту осень никуда не улетали. Их высадили где-то совсем рядом. Километров сорок от города в сторону степи. Дальше — глухая стена.

Цифра «сорок километров» ударила в цель. Лена понимала, что Марк может ошибаться в деталях, но направление было верным. В той стороне за сопками лежали только закрытые промки, о которых в городе предпочитали помалкивать. Если система врет в документах, значит, нужно трясти живых. Она не собиралась верить в отчеты, она верила людям, которых сама когда-то ставила на учет.

Лена вышла из здания управления, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Она села в свой старенький «Москвич» и погнала в сторону микрорайона Текстильщик. Это была её территория. Лена знала по именам всех пацанов, кто уходил в армию в ту осень. Один из них — Вадька по кличке «Хромой» — вернулся месяц назад. Официально его комиссовали по болезни «после Афгана», но Лена видела его мельком на рынке: дерганый, серый, с пустыми глазами старика.

Дорога к Текстильщику была пустой, степь вокруг казалась вымершей. Сам микрорайон за эти полгода словно притих, врос в землю. Окраинные пятиэтажки, зажатые между сопками и старой швейной фабрикой, выглядели непривычно безлюдными для рабочего поселка. Лена припарковала машину у покосившейся голубятни. В бардачке под ворохом протоколов глухо стукнул табельный «Макаров». Она проверила обойму — привычный жест, дающий призрачное чувство контроля. Ей не нужно было спрашивать дорогу к дому Вадьки, она знала этот адрес наизусть по старым делам.

Подъезд встретил её запахом гнили и сырости. Ступени были выщерблены, на стенах — облупившаяся краска и матерные надписи. На третьем этаже она остановилась у оббитой драным дерматином двери. Из-за неё не доносилось ни звука, но в воздухе висел странный, приторно-сладкий запах, от которого свербило в горле.

Лена дважды резко нажала на кнопку звонка. За дверью стояла мертвая тишина, но интуиция инспектора подсказывала: там кто-то есть. Она отчетливо чувствовала этот затаившийся звук дыхания по ту сторону полотна — так замирают только те, кому есть что скрывать. Она нажала на кнопку в третий раз, долго и требовательно.

— Открывай, Вадим. Это Касымова из инспекции, — громко сказала она, прижимаясь ухом к дверному полотну. — Я знаю, что ты там. Не заставляй меня вызывать наряд и ломать замки.

Засов лязгнул не сразу. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы увидеть стоящую в проеме женщину, и Лена невольно отшатнулась. Инна была её ровесницей — когда-то они вместе бегали на танцы в местный ДК, но сейчас перед Леной стояла тень. Она выглядела пугающе серой, почти пепельной, а глаза — когда-то живые и цепкие — теперь смотрели остекленевшим, неподвижным взглядом куда-то сквозь плечо Лены.

— Зачем тебе мой сын, Касымова? — голос Инны был безжизненным и плоским. — Оставь его. Натворить он ничего не мог. Больше не сможет.

У Лены предательски дернулся правый глаз. Она озадаченно почесала затылок, соображая, как она могла это пропустить по сводкам. Смерть подопечного, состоящего на учете, — такая инфа должна была железно пройти через дежурку управления. Но в оперативных отчетах за последнюю неделю была звенящая тишина.

— Инна, подожди... Какая смерть? О чем ты говоришь? — Лена выставила ладонь, не давая закрыть дверь. — Где Вадик?

— Умер он, — Инна произнесла это так буднично, что по спине Лены пробежал холод. — Неделью назад, в психушке. Нам даже тело не отдали. Сказали, сгорел от афганского тифа. Он с ума начал сходить, Лена. Бредил, кидался на стены, был по ночам так, что соседи милицию вызвать грозились. Мы сами врачей вызвали, думали — помогут, подлечат... Увезли его на скорой, а через три дня бумажку принесли. И всё. Ни адреса, ни могилы. Сказали — спецотделение, никого не пускают.

Лена почувствовала, как внутри всё сжимается. Она осторожно положила руку Инне на плечо, чувствуя, как ту колотит мелкая, сухая дрожь.

— Инна, посмотри на меня. Мне жаль, правда... Я сама в аду эти полгода. Я ведь почему припёрлась-то к тебе... Их же вместе призывали. В один день, в одну команду, в одно отделение попали. Если Вадик здесь, значит, и мой Андрей где-то рядом был. Скажи мне, он хотя бы что-то рассказывал перед тем, как разум потерял?

Мать Вадика вздрогнула, и в её остекленевших глазах на мгновение промелькнул живой ужас. Она оглянулась назад, в темноту прихожей, откуда тянуло странным, приторно-сладким запахом.

— Рассказывал... — прошептала она, почти не разжимая губ. — Про город какой-то непонятный орал. Говорил, что их туда забросили, а там здания... они пульсируют, Лена. Словно дышат или сердце внутри бьется. Стены дрожат, а потом просто падают, рассыпаются в прах. И «рыжая хмарь» повсюду... Говорил, что от неё техника прямо на глазах течет, как свечка, растворяется вместе с людьми и в лужи превращается. А из этих луж мертвецы лезут... Страшные. Плюются какой-то слизью, и если эта дрянь на броню или на кожу попадет — всё, за секунды в кашу. Вадик кричал, что патроны их не берут, они как бессмертные... Только резак или огнем. Жгли их там, Лена.

Лена слушала этот поток бреда и чувствовала, как внутри всё восстает. Советское воспитание и кондовый материализм в голове просто отказывались принимать эту чертовщину. «Мертвецы, кислоты, пульсирующие дома... Чего, блядь?» — пронеслось в мыслях. Для неё это звучало как классический бред душевнобольного, перегревшегося на солнце, но что-то в голосе Инны заставляло кожу покрываться мурашками.

— Инна, — Лена впиалась взглядом в лицо женщины, — он это просто кричал или записывал?

Инна вдруг судорожно схватила Лену за рукав кителя, притягивая к себе.

— Он тетрадку прятал под плинтусом в большой комнате. Рисовал там схемы какие-то страшные, писал всё... Сказал, что если за ним придут, я должна её сжечь. Но я боялась её даже открывать. Забирай её, Касимова. Забирай и уходи.

Лена кивнула, мягко отодвигая Инну плечом, чтобы войти. Она не верила ни в каких «плюющихся мертвецов», но тетрадку решила забрать — мало ли, какие шифры там на самом деле оставил пацан под видом своих галлюцинаций.

В комнате пахло пылью и корвалолом. Лена быстро нашла отошедший край плинтуса за шкафом, подцепила его пальцами и вытянула плотно свернутую общую тетрадь в серой обложке. Сунула её за пазуху, под китель. Посмотрела на Инну — та сидела на краю дивана, сгорбившись, как столетняя старуха.

— Так, Инка, хватит, — Лена подошла и решительно взяла её под локоть. — Ты в этом склепе скоро сама серой станешь. Собирайся. Пойдем на улицу, подышишь. Вон, весна на дворе, а ты тут кислыми стенами дышишь. Пойдем, в кафе посидим, кофе выпьем, людей увидишь. Тебе проветриться надо, иначе сама в ту же психушку загремишь.

Инна пыталась что-то возразить, но Лена была непреклонна. Она буквально вытащила подругу из квартиры, закрыв дверь на засов. На улице ударило в лицо свежим ветром и запахом первой зелени. Инна зажмурилась от яркого света, и на её бледных щеках впервые за долгое время начал проступать хоть какой-то намек на жизнь. Лена вела её под руку в сторону небольшого кооперативного кафе у парка, чувствуя под кителем твердый переплет тетради.

Глава 4. Чайная церемония

Утро началось с резкого звонка дежурного. Лена едва успела глотнуть остывший за ночь чай, как её сорвали на выезд. В 10-й школе — ЧП почти союзного масштаба.

Старшеклассники, десятый «Б», трое парней. По оперативной сводке — массовое отравление.

Когда Лена затормозила у школьного крыльца, там уже стояли две «скорые». Директриса, Тамара Степановна, встретила её в коридоре, нервно комкая носовой платок.

— Елена Александровна, ну наконец-то! Трое наших оболтусов... Один, Серов, притащил какую-то импортную диковинку. Сказал — отец из заграничной командировки привез, редкий сорт, для своих. Решили «по-взрослому» чаю попить в каптерке у трудовика, пока тот в столовую ушел. И всё... теперь в медкабинете лежат, бледные как мел.

Лена молча кивнула и пошла по коридору. Она шла как профессионал — спокойная, собранная, на ходу прикидывая, что за дрянь могла попасть в руки школьникам. В 1990-м «импортное и редкое» могло быть чем угодно: от просроченного концентрата до

банальной химии под яркой оберткой. Обычная работа для инспектора ИДН — составить протокол, изъять вещдоки, провести воспитательную беседу.

В медкабинете пахло не спиртом и не лекарствами. Там висел тяжелый, приторно-сладкий аромат, от которого у Лены на мгновение заложило нос. Трое парней сидели на кушетках, вытянувшись в струнку при виде формы. Ребята были нормальные, не из «учетных», но сейчас вид у них был паршивый: лица серые, зрачки расширены в полглаза, а руки мелко дрожали. Серов, зачинщик, испуганно вертел в руках маленькую стеклянную баночку из-под майонеза, в которую, видимо, и отсыпал «дефицит» из отцовских запасов.

— Так, орлы, — Лена сложила руки на груди, пристально глядя на Серова. — Рассказывайте, чем травимся? Что за «элитный сбор» такой, от которого у вас вид, будто вы неделю по этапу шли?

— Елена Александровна, мы честно... просто чай, — Серов вскочил, но тут же пошатнулся и сел обратно, густо краснея. — Батя из Москвы привез, сказал — индийский, высший сорт. Мы заварили, а он... он на вкус какой-то непонятный оказался. Словно железом отдает или медью. Привкус такой... липкий.

— И что потом? — Лена достала блокнот, чеканя каждое слово.

— А потом... — подал голос второй парень, сидящий в углу, стараясь говорить четко. — Потом такое ощущение дурацкое появилось. Словно под кожей что-то проползло. Живое такое, холодное. Мы испугались, выбежать хотели, а ноги не слушаются, ватные стали. Будто мы сами из киселя.

Лена не выдержала и коротко хохотнула, качая головой. Советский материализм в ней легко взял верх над вчерашними страхами.

— Проползло у них! — она усмехнулась, оглядывая «пострадавших». — Значит так, граждане «иностранцы». Мало того, что вы у трудовика в каптерке хозяйничали, так еще и всякую заграничную дрянь в рот тянете. Нехрен всякую херню без разбору пробовать, понятно? Не хватало мне еще, чтобы вы тут в школе коньки отбросили из-за красивой этикетки. Радуйтесь, что это просто чай был, а не крысиный яд. Еще раз такое повторится — лично на учет поставлю, и никакие характеристики от директрисы не помогут. Она решительно забрала у Серова баночку из-под майонеза, в которой на дне еще плескалась темная мутная жижа.

— Вещдок я изымаю. А с вами мы еще в отделе поговорим, когда у вас «ползать» всё перестанет и зрачки в норму придут. Тамара Степановна, пацанов пусть врачи досмотрят, а эту бурду я забираю. Отправим на экспертизу в управление, пусть химики посмотрят. Если там какая-нибудь техническая примесь или суррогат, будем с отцом Серова серьезно разговаривать.

На крыльце школы Лена остановилась, щурясь от яркого весеннего солнца. Достала из кармана ту самую майонезную баночку. На свету мутная жижа выглядела совсем неаппетитно — тяжелая, почти черная взвесь медленно осела на дно. Она слегка качнула стекло, разглядывая осадок. На дне, среди размокших чаинок, виднелись странные сгустки. Они не были похожи на обычную заварку — густые, темные, с отчетливым багровым отливом. Словно в банку капнули настоящей густой крови, которая не растворилась, а свернулась тяжелыми хлопьями.

«Тьфу, дрянь какая, — поморщилась Лена, чувствуя, как к горлу подступает легкая тошнота от этого приторного запаха. — Намешают же черт знает чего, красителей не жалеют. Еще и привкус железа, как пацаны говорят... Ясно, химия сплошная». Она плотно закрутила крышку. Мысли о «пульсирующих домах» из тетрадки Вадика даже не возникли в её голове — слишком уж нелепо было связывать бред душевнобольного с обычной школьной выходкой. Мало ли что привидится подросткам от некачественного импорта.

— Экспертиза разберется, — буркнула она себе под нос, спускаясь по ступеням к служебной машине. — А Серову-старшему я лично объясню, что везти в подарок сыну всякую херню — идея так себе.

Глава 5. Пропорции исчезновения

Лена припарковала свой старенький «Москвич» у типовой пятиэтажки. Семья Серовых считалась благополучной: отец — инженер-наладчик, часто мотался по заграничным объектам, мать — завуч в соседней школе. Обычная советская интеллигенция, у которой сын вдруг решил поиграть в дегустатора импорта.

Дверь открыл сам Серов-старший. Выглядел он замученным, в домашней фланелевой рубашке, с газетой в руках. Увидев Лену в форме, он заметно напрягся.

— Елена Александровна? Что-то с Антоном? Мне уже из школы звонили, сказали — отравился чем-то...

— С сыном вашим врачи разбираются, — Лена прошла в прихожую, не дожидаясь приглашения. Профдеформация: входить уверенно, смотреть цепко. — А вот мне интересно, гражданин Серов, чем вы его угостили. Что за чай такой экзотический из командировки привезли? Пацаны там в медкабинете чуть копыта не отбросили. Серов нахмурился, потирая переносицу.

— Да какой чай, Елена Александровна? Я из последней поездки привез набор специй, пару отрезков шелка жене и... ну да, жестянку чая взял на рынке. «Индийская Абракадабра», как продавец сказал. Редкий сорт, для своих. Стояла на кухне, запечатанная еще.

— Пройдете на кухню, покажете, — коротко бросила Лена.

На кухне царил идеальный порядок. Серов подошел к полке, достал нарядную золотистую банку с кричащей надписью «ABRACADABRA» и замер. Он покрутил её в руках, недоуменно заглядывая внутрь.

— Странно...

— Что странно? — Лена подошла ближе.

— Я её вчера только открыл. Ну, чтобы проверить, не отсырел ли. Половина банки была, полная почти. А сейчас... — он наклонил жестянку.

На дне сиротливо болталась пара столовых ложек сухой заварки. Выглядело это так, будто половину содержимого просто выгребли, причем неаккуратно — на стенках жестянки виднелся тот же липкий, темный налет, что и в школьной майонезной баночке.

— Сын отсыпал? — Лена кивнула на жестянку.

— Да сколько он там мог отсыпать в ту баночку из-под майонеза? Граммов пятьдесят? А тут... тут граммов триста как корова языком слизнула. И запах... — Серов поморщился,

принюхиваясь. — Вчера он пах как нормальный черный чай. А сейчас какой-то патокой несет. Испортился, что ли?

Лена взяла жестянку в руки. Металл был неестественно холодным, словно банка только что из морозилки. Она повертела её, разглядывая яркие картинки. На дне, мелким шрифтом, была наклейка. Лена прищурилась, читая.

И о чудо. Никакого Дели. «Изготовлено по спецзаказу: Чаеразвесочная фабрика №1, пос. Майский». Поселок Майский находился всего в тридцати километрах от города, чуть дальше по трассе. Обычная местная трава, которую фасовали в «экзотическую» тару под громким названием.

— Гражданин Серов, — Лена подняла взгляд на инженера, — вы уверены, что привезли это из-за границы? Тут написано — Майский район.

Серов побледнел и осекся.

— Я... я на рынке брал. В Дели. Продавец клялся, что лучший экспортный... Может, подсунули? Я же не всматривался.

Лена усмехнулась. Материалист внутри неё окончательно успокоился. Обычная афера: местную бурду из Майского фасуют в яркие банки и продают доверчивым туристам. А пацаны траванулись банальной химией, которой эту «Абракадабру» пропитали для веса или запаха. Триста граммов, скорее всего, Антон просто просыпал или тайком передал кому-то еще.

— Значит так, Серов. Эту банку я тоже изымаю. Под протокол. А вы проверьте, не пропадало ли в доме еще чего-нибудь... необычного. С Антоном я еще раз поговорю. Уж больно «интересным образом» у вас чай испаряется. И Майский район этот... надо будет уточнить, что они там фасуют.

Она вышла из подъезда, неся банку в полиэтиленовом пакете. Весеннее солнце пригревало, но Лене почему-то было зябко. Сев в «Москвич», она бросила пакет на соседнее сиденье. Через пару минут в салоне стало нечем дышать — приторно-сладкий запах патоки начал заполнять пространство, перебивая привычный аромат старого дерматина. Окно пришлось открыть настежь.

Лена рванула на себя дверь «Москвича», едва не вырвав ручку. Окна она оставила открытыми настежь, но приторный, тошнотворный дух гнилой патоки уже намертво впитался в обивку. Машина подпрыгивала на ухабах, выплескивая серую мартовскую кашу из-под колес, пока Лена гнала к управлению. В багажнике глухо билась в пакете золотистая жестянка — вонючее бактериологическое оружие в нарядной упаковке. В дежурку она зашла, стараясь держать пакет на отлёте. Тяжелый дух гнили вовсю пробивался сквозь полиэтилен, и Михалыч, едва завидев её, сразу скривился и отодвинулся к сейфам.

— Касымова, ты че там, дохлятину в пакете маринуешь? — он демонстративно прикрыл нос ладонью. — Уноси это на хрен, дышать же нечем!

— Михалыч, не зуди. Оформись как вещдок по происшествию в школе, — Лена выложила на стойку заранее набросанный рапорт. — Трое пацанов в больнице после этой «заварки». Состояние непонятное. Бумажку передай по смене, пусть завтра в химлабораторию на экстренный анализ закинут. И будь другом, отправь наряд за Серовым-старшим. Статья 227-я, нарушение правил хранения ядовитых веществ. Пусть

привезут на беседу, а на адресе посмотрят, что он еще из командировки притащил. Квартиру лучше опечатать от греха.

Михалыч, ворча и прикрывая рот рукавом, нехотя подтянул к себе рапорт.

— Ладно, Елена Александровна, сделаем. Но банку свою в сейф не суй, оставь в вытяжном шкафу, а то дежурка к утру вымрет.

Лена кивнула и быстрым шагом направилась к лестнице. В своем кабинете она первым делом распахнула окно. Ледяной воздух ворвался внутри, но липкий запах «кروавого» чая, казалось, уже въелся в кожу. Она села за стол, сняла трубку тяжелого рабочего телефона и набрала прямой номер ОБХСС. Иваныч ответил после второго гудка.

— Слушаю, Касымова. Опять твои оболтусы что-то не поделили?

— Иваныч, тут дело странное, — Лена понизила голос, прижимая трубку плечом. — Всплыла подозрительная партия товара. Называется «Индийская Абракадабра», жестянка золотистая. Серов из командировки привез, пацаны заварили — теперь в больнице. Но на дне наклейка — поселок Майский, фабрика номер один. Визуально на банке бурый осадок, на кровь похож, и вонь такая, что в кабинете сидеть невозможно. Пробивай этот Майский по своим ведомостям, что там за помойку под видом чайной фабрики открыли.

— Майский, говоришь? — Иваныч на том конце замолчал, было слышно, как он чиркнул спичкой. — Гнилое место. Там склады министерские были, черт ногу сломит в этой неразберихе. Ладно, уточню по документам, завтра моих ребят туда отправлю для проверки.

Повесив трубку, Лена откинулась на спинку стула. Она видела в окно, как во двор медленно выезжает дежурный «уазик» — наряд отправился за Серовым. У неё было время, пока его доставят в отдел. Она закурила, глядя на тающий снег, и пыталась понять, как обычный на вид чай может пахнуть скотобойней.

Глава 6

Лена зашла в палату, когда за окном уже начали густеть сумерки. В воздухе стоял тяжелый запах хлорки, который хоть немного перебивал ту приторную вонь, что преследовала её весь день.

Серов-младший лежал на крайней кровати, бледный и безучастный. Увидев Лену, он вжал плечи в подушку.

— Ну что, дегустатор, оклемался? — Лена пододвинула тяжелый стул и села рядом. — Рассказывай, сколько ты этой дряни из дома вынес. Только честно, мне для протокола надо.

Пацан сглотнул, глядя куда-то в сторону.

— Да немного совсем... Столовые ложки три, может четыре. Я их в майонезную баночку отсыпал, чтобы отец не заметил. Саму жестянку не брал, она на кухне осталась.

— Подожди, — Лена нахмурилась. — Ты взял три-четыре ложки. Мы их в школе нашли в этой твоей баночке, почти всё вы заварили. А отец твой говорит, что жестянка, которую он из командировки привез, была почти полная. Я её в дежурку сдала — там и половины нет. Куда делся остальной чай из большой банки?

Серов-младший удивленно вытаращился на неё.

— Как это — половины нет? Когда я отсыпал, она полная была, прям до краев почти. Я еще ложкой приминал, чтобы след не остался. Больше я к ней не прикасался, честное слово, Елена Александровна!

Лена выпрямилась, чувствуя, как внутри зашевелилось нехорошее предчувствие. Если пацан не врал, значит, из дома Серовых пропало внушительное количество этой химической гадости.

— Лежи, соображай дальше, — бросила она пацану и вышла из палаты.

В отделе её уже ждал Серов-старший. Инженера привезли злым и растерянным. Он сидел в допросной, нервно сцепив пальцы на столе. Лена вошла, бросила папку на стол и села напротив.

— Значит так, Серов. Давай без сказок. Где взял эту «Индийскую Абракадабру»?

— Да в РСФСР купил, в командировке был, в мелкой чайной лавке, — он вытирал пот со лба. — Продавец клялся, что чистый импорт, из старых запасов. Я и взял... Думал, жену порадовать. Не понимаю, как этот местный чай там оказался под видом индийского.

— Сам пробовал? Жене давал? — Лена в упор смотрела на него.

— Нет! Клянусь вам! Я её вообще не вскрывал! Она в буфете стояла за стеклом, — Серов почти кричал. — Жена тоже не пила, она к этому чаю вообще не притрагивалась. Сын, выходит, первым её распечатал. Я никому больше не давал его пробовать.

— А теперь самое интересное, — Лена подалась вперед. — Сын твой признался, что отсыпал всего пару-тройку ложек. Ну, может четыре. А в банке, которую мы изъяли, не хватает доброй половины. Куда делось остальное, если вы её не открывали?

Серов замер. Его лицо стало землистым.

— Откуда я знаю... Я только когда вы пришли, заметил, что заварки маловато. Думал, сын всю выгреб... Но если четыре ложки... Я не понимаю, Елена Александровна. Я её никому не давал, никто у нас дома не был.

Лена понимала, что мужик напуган до смерти. Вопрос с количеством был закрыт: пацан взял крохи, а остальное из закрытой жестянки исчезло само собой. Она вышла в коридор, чувствуя, как липкий запах «кровавого» налета снова забивает ноздри.

Глава 7. Сюрприз на сюрпризе

Утро началось не с кофе, а с головной боли и того самого запаха, который, казалось, теперь жил в самой подкладке куртки. Лена еще не успела дойти до своего кабинета, как её перехватил Саныч — эксперт-криминалист. Вид у него был такой, будто он всю ночь провел в морге с ожившими покойниками.

— Касымова, ты что нам вчера принесла, мать твою?! — Саныч выставил вперед руки, будто защищаясь от неё. — Ты нам не чай сдала, ты нам какую-то биологическую диверсию подкинула!

— Спокойно, Саныч. Что там у вас? Результаты есть?

— Результаты? — эксперт нервно хохотнул. — Зайди посмотри, если желудок крепкий. Твой налет на банке за ночь не просто потемнел — он стал почти черным. А когда мы крышку вскрыли, чтобы пробу взять... Там внутри всё шевелится, Лена! Дохлые черви, целые слои. Белые, жирные, и вонь такая, что у нас два лаборанта в обморок ушли. Запах стал вдвойне мощнее, он теперь через любые фильтры пробивается.

Саныч вытер пот со лба трясущейся рукой.

— Я уже по инстанциям отзвонился. Сказали — объект повышенной опасности. Скоро приедут из спецлаборатории, заберут эту дрянь. Мы к ней больше не притронемся. Это не химия, Касимова, это какая-то органика, которая жрет всё вокруг и плодится со скоростью звука.

Лена молча переваривала услышанное. Черви в закрытой банке с чаем. За одну ночь. Она вспомнила слова Серова о том, что банка «похудела» сама по себе. Значит, эта дрянь внутри просто перерабатывала содержимое во что-то другое.

Вернувшись в кабинет, она увидела, что на столе настойчиво дребезжит телефон. Это был Иваныч из ОБХСС.

— Касимова, слушай внимательно, — голос Иваныча был непривычно серьезным. — Пробил я твой Майский, фабрику номер один. Информация странная.

— Что там?

— Фабрика существует. Точнее — числится в реестрах. Только вот последние полгода она полностью пустая. Официально производство законсервировано, штат распущен, электричество отрезано за неуплату. По документам там голые стены и ржавые станки. Никакой «Индийской Абракадабры» они выпускать не могли в принципе. Ни легально, ни подпольно — там полгода как ни души.

Лена сжала трубку так, что побелели костяшки.

— Иваныч, но Серов-старший купил эту жестянку именно с этой маркировкой в РСФСР, в мелкой лавке. Если фабрика полгода как мертвая, то откуда на прилавках свежие банки с их наклейками?

— Вот и я о том же, — глухо отозвался Иваныч. — Кто-то использует законсервированные площади как прикрытие. Или просто клеит старые этикетки на то, что бодяжат в подвалах. Но судя по твоему описанию того, что творится в лаборатории, там дело пахнет не просто паленым чаем. Жди, я сейчас к вашему начальнику поеду, будем решать, как этот Майский оцеплять. Нужно выяснять, кто там засел, раз фабрика официально мертва. Лена положила трубку и посмотрела в окно на грязный двор. Сюрприз на сюрпризе. Пустая фабрика, которая внезапно «всплыла» в покупках инженера, и черви, возникшие из ниоткуда в закрытой жестянке. Теперь её задача — найти тех, кто организовал этот «бизнес» на заброшенных складах.

Лена сидела в кабинете, когда дверь едва не слетела с петель. Ввалился Иваныч, злой, с красными от недосыпа глазами, и грохнул на стол пухлую папку. Следом, тяжело отдуваясь, зашел подполковник Марков.

— Значит так, Касимова, — Иваныч сразу перешел на крик. — В области сидят чинуши, им не до наших «червей». Сказали: «Предоставьте акты экспертизы в трех экземплярах, заверенные санстанцией». А санстанция боится к твоей банке подходить, пока Саныч им официальное предписание не выкатит. Бюрократия, мать её.

Марков хмуро разглядывал карту, разложенную прямо поверх Лениных отчетов.

— КГБ в районе нет, связи с областью через пень-колоду. Ждать их — неделю потеряем. Будем работать своими силами, МВД и ОБХСС. Иваныч, твои орлы потянут?

— Потянут, — буркнул Иваныч. — Но учти, Марков, если мы там найдем то, о чем Саныч шепчет, и это выплеснется за забор — нас обоих за жопу возьмут. Никаких официальных

учений по ГО мы объявлять не имеем права, полномочий не хватит, только панику поднимем. Проще сделаем: перебросим туда пару проверенных агентов под видом местных, пусть осмотрятся, а мы на подхвате.

Марков ткнул пальцем в Майский.

— План такой. Никакого шума. Иваныч, твои люди идут к проходной. Если там кто-то есть, они обязаны открыть — фабрика-то государственная, хоть и законсервированная. А если заперто — будем смотреть по ситуации.

— Нам нужен специалист, — добавила Лена, поднимаясь из-за стола. — Если там зараза, мы вслепую только дров наломаем.

Она притянула к себе телефон и набрала номер городской санитарной станции. После долгой череды гудков на том конце ответили.

— Санитарная станция, дежурный эпидемиолог слушает.

— Это Касимова из управления. Мне нужен Петров, — отрезала Лена, игнорируя протоколы. — Слушай внимательно, у нас ЧП в школе, корни ведут на Майскую фабрику. Мне завтра в четыре утра на выезде нужен твой лучший специалист по токсинам или эпидемиологии. И чтоб был с чемоданом, готовый к полевым условиям.

— Елена Александровна, вы понимаете, что такие вопросы через главврача... — начал было дежурный.

— Петров, если завтра эта гадость поползет по городу, твой главврач первый тебя под статью отдаст. Специалиста мне к четырем часам, неофициально. Понял?

Повесив трубку, она обернулась к мужчинам.

— Эпидемиолог будет. Иваныч, что там по барыгам?

Иваныч вытянул из кармана помятый листок с записями от руки.

— Дополнительно Серова-старшего в допросной прижал. Дал он адрес в РСФСР. Связались с местными — магазинчик тот работает. Продавца взяли в оборот, тот раскололся сразу. Обычный перекуп. Признался, что берет товар у залетных барыг по дешевке. Говорит, те сами хвастались, что на Майской фабрике обосновались. Мол, место тихое, охраны нет, пакуй — не хочу. Девяностые на дворе, преступность прет, вот местные барыги и забили заброшенный объект под свой цех.

— Местные барыги на закрытом министерском объекте? — Лена недоверчиво хмыкнула.

— Смело. Значит, там не просто склады, а целая контора по «производству» дряни в чайных банках.

— Вот и проверим их «бизнес», — Марков свернул карту. — Выезд в четыре утра. Оружие

— ПМ, боекомплект полный. И не забудь: брать живыми любой ценой. Нам нужно знать, что именно они там в банки сыплют.

Глава 8. Горячий цех

В четыре утра город казался вымершим. Лена захлопнула дверь «уазика», и звук эхом отразился от пустых пятиэтажек. В салоне стоял густой дух дешевого табака и перегара от вчерашнего кофе. Марков, злой и серый от недосыпа, молча крутил баранку, то и дело вглядываясь в зеркало заднего вида — за ними шел второй «бобик» с опергруппой Иваныча и приданным специалистом.

— Касымова, ты этот свой противогаз проверила? — буркнул Марков, не отрывая взгляда от разбитой дороги. — Не хватало еще, чтобы ты там задохнулась в этой резиновой морде, если Саныч не наврал про активную среду.

— Проверила, — коротко бросила Лена. Под курткой неприятно холодил металл ПМ, а в голове набатом стучала мысль о «похудевшей» банке.

Дорога на Майский превратилась в сплошное месиво из подтаявшего снега и грязи. Фабрика показалась из предрассветного тумана как огромный бетонный скелет. Высокий забор, ржавые ворота и полная тишина. Только приторный, едва уловимый запах гнили, который Лена узнала бы из тысячи, теперь стал густым, как кисель.

— Глуши мотор, — скомандовала она. — Дальше пешком.

Оперы выгрузились бесшумно. Марков кивнул Лене на боковую калитку, которая была просто прикручена проволокой. Внутри цеха было темно и сыро. Фонари высвечивали груды пустых чайных коробок, разбитые станки и странный бурый налет на стенах. Лена натянула маску. Воздух внутри стал тяжелым, давящим.

Внезапно из глубины склада донесся лязг металла и приглушенный мат. Лена и Марков рванули на звук. У старого упаковочного станка копошились двое в грязных брезентовых плащах. Они волокли к прессу тяжелый мешок.

— Руки за голову! Работает милиция! — рявкнула Лена, выставляя ствол.

Один из барыг испуганно дернулся, выронив край мешка. Содержимое с глухим стуком рассыпалось по полу. Марков в два прыжка настиг второго и впечатав его лицом в бетон.

— Лежать, падла! — щелкнули наручники.

Лена подошла к рассыпанной куче и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это был не чай. Среди бурых гранул что-то шевелилось — медленно, лениво, сплетаясь в склизкие комки.

— Зови очкарика! — крикнула она Иванычу.

Эпидемиолог Петров зашел в цех, прижимая к себе чемодан. Когда он навел фонарь на рассыпанный мешок и на те, что стояли у стены, он замер. Его лицо под стеклом противогаза стало белым. Он подошел ближе, замерил температуру мешка выносным датчиком и отпрянул, едва не уронив прибор.

— Это... это что за херня?! — голос Петрова сорвался на фальцет. — Елена Александровна, это не химия. Оно термически активно! Мешки нагреты до сорока градусов. Внутри идет процесс... господи, они же это в банки фасовали! Тут концентрация такая, что если это попадет в городскую вентиляцию, мы весь район не откачаем!

Петров оглянулся на мешки, которые, казалось, медленно раздувались. Его трясло.

— Уходите отсюда! Всё, приехали! — он начал пятиться к выходу. — Тут мои полномочия всё... и ваши тоже. Это уровень не санстанции и не горотдела. Тут спецвойска нужны и полная изоляция объекта.

Марков подошел к Лене, тяжело дыша через фильтр. Он посмотрел на скулящих барыг, на побелевшего эпидемиолога и на бесконечные ряды «дышащих» мешков.

— Слышала, Касымова? — Марков убрал пистолет в кобуру и наглухо застегнул плащ. — Пакуем этих двух придурков в машину и валим на периметр. Петров прав. Дальше мы не лезем. Наше дело было — найти источник, мы его нашли. Дальше пускай верха разбираются, у кого звезды покрупнее и спецкостюмы со свинцом. Наше полномочие здесь закончилось.

Он силой потянул Лену за рукав к выходу. Она в последний раз обернулась: в свете упавшего фонаря было видно, как из швов ближайшего мешка медленно выползает жирный, маслянисто-черный червь, оставляя за собой блестящий след на золотистой чайной этикетке.

Отойдя от шока, Петров преградил путь к выходу, выставив перед собой ладонь в резиновой перчатке.

— Стоять! Марков, к машине не приближаться, оперов отсечь на десять метров! Мы в очаге, мужики. Если вывезете это в город — я вас лично под трибунал подставляю за массовое убийство. Мы все на «грязной» стороне.

Лена замерла, чувствуя, как под курткой по спине пробежал уже не холодок, а настоящий ледяной пот. Дисциплина взяла верх над инстинктом самосохранения.

— Иваныч, своих назад! — рявкнула она, перекрывая гул станка. — Задержанных в каптерку на проходной, запереть снаружи. Ключи в дезраствор. К ним не подходить, не касаться.

Петров сорвал с пояса рацию, переключаясь на общую частоту РОВД. Голос его под маской звучал глухо, но предельно властно:

— Дежурный! Я — Петров, эпидемиолог. Срочно связь с ОблСЭС и начальником отдела. Объявляй режим «БО» по всему квадрату. Повторяю: сигнал «Бактериологическая опасность». Перекрывайте Майский тракт силами ГАИ, выставляйте оцепление на пятьсот метров от периметра фабрики. Никого не выпускать, объект на полный карантин первой категории. У нас термический «актив» в субстрате, концентрация критическая!

Лена вышла на пандус, стараясь не задевать косяки дверей. Предраассветный туман над Майским теперь казался не просто сыростью, а густым саваном, который медленно оседал на броню «уазиков».

— Марков, глуши мотор официально, — тихо сказала она, проверяя затворный срез ПМ.

— Мы здесь надолго. Докладывай по связи: «Источник локализован, группа обеспечения переходит к удержанию периметра до прибытия спецподразделений ГО».

Она посмотрела на свои руки в перчатках. Форма, устав, присяга — всё, что казалось незыблемым в кабинете под портретом Дзержинского, теперь сжималось до размеров этого ржавого забора.

Через сорок минут у главных ворот взвизгнули тормоза. В тумане замелькали синие проблесковые маячки — прибыл первый заслон ГАИ. Лена подошла к закрытой решетке, не доходя до неё три метра, как велел Петров.

— Командир! — крикнула она старшему патруля через прутья. — Слушай вводную. К воротам не подходить, документы не брать. Выставляйте посты на развязке, ни одной живой души в сторону Майского. Если кто будет переть — задерживать до прибытия химвойск, но в контакт не входить. Понял?

Гаишник, молодой лейтенант, испуганно кивнул, глядя на Лену, которая стояла в наглухо застегнутом плаще и маске.

— Елена Александровна, а вы как же? — крикнул он в ответ.

— А мы в «грязной» зоне, лейтенант. Исполняй.

Она вернулась к «уазу», где Марков настраивал радиостанцию на закрытый режим. Теперь эфир был чист от гражданских помех — только сухие доклады дежурного и

шипение статики. Лена села на подножку машины, глядя, как за бетонным забором весовой в маленьком окошке мелькнуло серое, почти нечеловеческое лицо «Косого». Он не стучал и не звал на помощь. Он просто смотрел на них, и этот взгляд был холоднее мартовского тумана.

Глава 9. Режим «БО»

Предрассветный туман Майского разрезали резкие, не по-граждански мощные лучи фар. Со стороны тракта, взревев форсированными движками, к проходной вылетели две черные «Волги», а следом за ними, тяжело подпрыгивая на рытвинах и рыча дизелем, вкатился тентованный ЗИЛ-131 с белыми кругами комендантской роты на дверях. ГАИшники на въезде, получив короткую команду по рации, тут же начали пятиться, выставя заграждения в пятистах метрах от забора. Они разворачивали редкие в этот час грузовики, не вступая в споры и не беря в руки документы — просто указывали стволами автоматов направление на разворот.

Из первой «Волги» вышел человек в сером пальто поверх полевой формы без знаков различия. Майор Волков, чье удостоверение УКГБ Марков разглядывал секунду, прежде чем вытянуться во фрунт, не тратил время на приветствия. Его лицо казалось высеченным из того же серого бетона, что и стены фабрики.

— Майор Волков. С этого момента объект под юрисдикцией Комитета, — голос был сухой, лишенный эмоций. — Милиции отойти от периметра на десять метров. Сдать все первичные записи, рапорты и личные блокноты. Живо.

Лена молча расстегнула ремень полевой сумки. Волков принял её безразлично, двумя пальцами, и тут же опустил в герметичный желтый контейнер, который держал подошедший боец в тяжелом ОЗК.

— Где изъятый образец? Банка? — Волков в упор посмотрел на Лену.

— Передана эксперту Санычу в отдел вчера вечером, — четко ответила она, стараясь не выдать дрожи в голосе. — Протокол выемки в сумке.

Волков едва заметно скривился и что-то коротко бросил в рацию. Лена поняла: в отделе сейчас начинается ад. Пока они стояли в тумане, там, в здании РОВД, уже вскрывали сейфы и оцепляли лабораторию Саныча. Все сотрудники милиции, включая группу Иваныча из ОБХСС, мгновенно превратились из охотников в «объекты наблюдения». Изоляция «нулевых» началась по-военному жестко. Солдаты в резиновых скафандрах, похожие на инопланетян, подкатили к бетонной каптерке баллоны и начали заливать щели под дверью и окнами быстрозастывающей полимерной пеной. Дверь бокса была заблокирована стальным ломом снаружи.

Волков подошел к узкому окошку весовой, не приближаясь ближе чем на три метра, и включил переносную станцию «Виола».

— Говорить в окно. Громко, — приказал он. — Фамилии. Кто поставлял субстрат? Адреса в РСФСР? Сколько банок ушло в розницу через барыг?

Допрос шел тяжело. Из глубины бокса доносился уже не плач, а натужный, свистящий хрип. Косой прижался лицом к стеклу. Лена, стоявшая у «уазика», увидела, как по его шее ветвятся черные, набухшие жилы, похожие на корни гнилого дерева, выросшие под кожу. Его лицо стало пепельно-серым, а дыхание оставляло на стекле густой маслянистый налет, который не испарялся.

— Мы... мы только пять ящиков... — прохрипел Косой, и внезапно его согнуло пополам. Из рта на бетонный пол бокса выплеснулась черная, густая жижа, которая в свете фонарей показалась Лене шевелящейся.

Волков мгновенно выключил рацию.

— Допрос прекратить. Объекты к эвакуации не готовы, — бросил он медикам в скафандрах.

К дверям подкатил герметичный фургон Минобороны. Задержанных грузили как химические снаряды — быстро, без единого лишнего касания. Лена знала этот взгляд Волкова: этих людей они больше не увидят. Никогда.

Пункт специальной обработки (ПСО) развернули прямо на въезде. Военные химики действовали по инструкции, игнорируя чины и звания.

— Раздеваться. Полностью! Одежду в мешки! — орал прапорщик в противогазе.

Лена видела, как её форменный китель, сапоги, блокнот с записями и даже кобуру с табельным ПМ бросают в стальные контейнеры.

— Пистолет — это номерная единица! — попытался возмутиться Марков, когда его «Макаров» полетел в ящик.

— Помолчи, подполковник, — оборвал его боец с распылителем. — Оружие идет на санпаспорт и баллистику. Получишь расписку.

После этого их загнали в передвижную душевую APC-14. Ледяная вода, смешанная с концентрированным хлорамином, обжигала кожу так, будто её снимали наждаком. Запах хлорки забивал ноздри, вытесняя приторную гниль фабрики.

Когда они вышли с другой стороны ПСО, им выдали подменку: грубое солдатское ХБ без знаков различия и кирзовые сапоги из стратегических запасов ГО, густо посыпанные тальком. Личные документы, деньги, ключи — всё исчезло в пламени высокотемпературных печей.

На рассвете их погрузили в «пазик» с наглухо зашторенными окнами. В салоне стоял запах казенного мыла и страха. Волков зашел последним, держа в руках планшет с бланками.

— Перед отправкой — подпись здесь. Обязательство о неразглашении. Статья 75 УК РСФСР. Для всех вы ликвидировали аварию на аммиачном складе. Если хоть одно слово про «червей» или «активную среду» всплывет в разговоре с женами или сослуживцами — пойдете как изменники Родины.

Лена расписалась, чувствуя, как немеют пальцы.

— А как же люди в городе? — тихо спросила она, глядя Волкову в глаза. — Те банки, что уже купили?

— Этим занимается Комитет, Касимова. Ваша работа закончена.

Автобус тронулся. Сквозь щель в шторке Лена видела, как её «уазик» и машина Иваныча остаются на территории, окруженные людьми в желтых костюмах. Технику конфисковали для изучения «воздействия среды».

Их везли в ведомственный профилакторий МВД на окраине города. 72 часа карантина. Полная изоляция от внешнего мира. Когда ворота профилактория захлопнулись за «пазиком», Лена посмотрела на Маркова. Тот сидел, ссутулившись, глядя на свои руки в чужом, колющем ХБ. Они были живы, но теперь они сами были частью этого дела, которое официально «не существовало».

Первые сутки в профилактории прошли в режиме «ожидания приговора». Группу Лены и оперов Иваныча развели по разным блокам, запретив любые контакты. Самым страшным был медицинский фильтр. Военные врачи в белых прорезиненных фартуках осматривали их с дотошностью мясников. Лену заставили стоять под лампами, пока двое медиков через увеличительные стекла изучали каждый миллиметр кожи.

— Порезы, царапины, свежие ссадины есть? — голос врача из-под маски звучал глухо. — Слизистые чистые. Лимфоузлы в норме. Пигментации нет.

Когда через шесть часов к ним в бокс зашел офицер медслужбы и сухо бросил: «Первичные тесты отрицательны. Паразитарный фон в норме, активных культур не обнаружено», — Лена услышала, как в соседней камере Марков громко, с хрипом выдохнул. У старого подполковника буквально камень свалился с плеч. Им повезло: то ли ОЗК сработали, то ли «актив» не успел зацепиться за кожу.

Но расслабиться не дали. Начались бесконечные допросы. Следователь КГБ, капитан с пустыми глазами, в десятый раз листал её изъятые рапорты.

— Касимова, давайте еще раз. Вы — инспектор по делам несовершеннолетних. Ваше дело — трудные подростки и кражи велосипедов. Какого черта вы полезли в биологическую экспертизу? Вы обнаружили налет в банке еще вечером. Почему сигнал не был подан незамедлительно? Почему не изолировали дежурную часть?

— Послушайте, товарищ капитан, — Лена устало потерла виски. — Я инспектор ПДН. У меня в школе пацан траванулся, чай принес из дома. Никакого заявления не было, я по факту отравления разбиралась. Увидела налет — позвонила в ОБХСС, сообщила Иванычу. Откуда мне знать про червяков? Я не химик и не биолог. Для меня это был просто пропавший, испорченный чай.

— Испорченный чай не греется до сорока градусов, — отрезал следователь.

— Это я уже на фабрике узнала! — Лена сорвалась на крик. — А до этого я видела просто плесень. Вы мне предлагаете из-за каждой банки тушенки с белым налетом городское управление на карантин закрывать? У меня такое вообще первый раз в практике! Я действовала по обстоятельствам: нашла источник — поехала проверять с коллегами. Изолировать часть? От чего? Я слов-то таких «бактериологическая опасность» до вчерашнего дня только в учебниках по НВП видела!

Следователь КГБ долго молчал, постукивая карандашом по столу. Его явно бесило, что дело государственного масштаба началось с рядовой проверки школьного завтрака, и «крайнего» назначить так просто не получалось.

— Инициатива наказуема, Касимова, — наконец произнес он. — Ваша «инициатива» поставила под удар целый отдел. Саныч в изоляторе, лаборанты под наблюдением. Вся эта дрянь могла расползтись по городу только потому, что инспектор ПДН решила, что она большой сыщик.

Её прессовали сменами все 72 часа. КГБ копал под всех, пытаясь найти, на кого списать прокол с оцеплением города. Лена держалась на одной мысли: «Мы чистые». Паразитов нет, анализы в норме, а с бюрократами она как-нибудь сдюжит.

На исходе третьих суток дверь бокса открылась с коротким металлическим лязгом. Вошел тот самый следователь КГБ, но уже без папки. Вид у него был измотанный, серый, как и у всех в этом здании.

— Свободна, Касимова. Анализы подтверждены повторно. Активной фазы нет, инкубационный период для твоего случая вышел.

Он швырнул на стол стопку бумаг.

— Подписывай окончательный протокол о неразглашении. С этого момента ты не видела ни Майской фабрики, ни «Косого», ни черных жил. Для всех — ты была на усилении по гражданской обороне, ликвидировали последствия аварии на хладокомбинате. Аммиак, поняла?

Лена быстро чиркнула фамилию, не читая. Пальцы едва слушались.

— Вещи получишь на выходе. Те, что не сожгли. Твой ПМ пока остается на спецхранении, получишь через неделю в дежурке управления под роспись. Иди.

Она вышла в коридор, где уже переминался с ноги на ногу Марков. Его тоже «вытряхнули» из карантина. Выглядел подполковник паршиво: солдатское ХБ висело на нем мешком, лицо осунулось. Они молча прошли через двойной КПП, где им выдали пакеты с уцелевшим имуществом — ключи, остатки денег, обручальные кольца. Всё это пахло хлоркой так сильно, что слезились глаза.

На площади перед профилактории их ждал серый служебный «пазик» с покрашенными стеклами. Группу Иваныча из ОБХСС загрузили первыми. Оперы лезли в автобус молча, не глядя друг другу в глаза, будто их только что выпустили не из карантина, а из зоны. Когда Лена шагнула на подножку, она обернулась. На вышке у ворот стоял часовой в ОЗК и с автоматом, а за его спиной в небе над Майским трактом медленно поднимался столб черного дыма. Там что-то жгли. Масштабно и основательно.

Автобус дернулся и покатил к городу. В салоне стояла мертвая тишина, прерываемая только тяжелым сопением Маркова. Они были «чистые» официально, но внутри у каждого засело липкое чувство, что их просто выплюнули из системы.

— Марков, — тихо позвала Лена, глядя в окно через щель в краске. — А Саныч? Его выпустили?

Подполковник только качнул головой, не оборачиваясь.

— Про Саныча забудь, Касимова. И про школу ту забудь. Мы сейчас приедем в отдел, получим новые предписания и будем делать вид, что ничего не случилось. Нас выпустили только потому, что мы дебилы, которые «ничего не поняли». Так и держись этой версии. Для твоего же блага.

Лена откинулась на спинку сиденья. Город за окном жил своей обычной жизнью: люди спешили на работу, очереди стояли за молоком, и никто из них не знал, что в их кухонных шкафах, в красивых жестяных банках с надписью «Индийский чай», возможно, уже проснулось что-то, что очень хочет пить.

Глава 10. Досрочный отпуск

Управление РОВД встретило стерильной тишиной и удушливым, режущим глаза запахом хлорки. По коридорам лениво ползали сквозняки, гоняя обрывки вчерашних циркуляров.

Коллеги, завидев её, немедленно ныряли в кабинеты. Казалось, она и Марков вернулись не из карантина, а с передовой, облученные чем-то пострашнее радиации.

Дежурный на вахте, не поднимая головы, буркнул:

— К Савельеву зайди. Он с утра на взводе.

В кабинете подполковника было накурено до синевы. Он даже не предложил ей сесть, просто пододвинул через стол лист.

— Подписывай. Досрочный отпуск. На сорок пять суток. С сегодняшнего дня.

— Какой отпуск? — она опешила. — У меня школа, у меня задержания по «чайному» делу...

— Нет у тебя больше школы. И дел этих нет. Забудь, — Савельев подошел к окну и добавил шепотом: — Тебя «вывели за скобки». Радуйся, что не в подвалы Комитета. Маркова вон на пенсию оформили за пять минут. Это приказ сверху. Исчезни из города. Просто испарись.

Она молча чиркнула фамилию. Пустота внутри стала почти физической. Уже у самой двери она остановилась.

— Что с пацанами? Из десятого «Б»?

Савельев долго молчал.

— Двое умерли вчера ночью. Официально — острая сердечная недостаточность. А третий... Антон... сбежал из спецбокса инфекционки. Прямо через окно, со второго этажа. Искать его запретили. Сказали — «объект утилизирован». Понимаешь? Его не ищут, потому что его уже не считают живым человеком.

Она вышла из управления, чувствуя, как холодный воздух обжигает легкие. Дома, заперев дверь на все замки, она достала из тайника тетрадь Вадима — сослуживца её сына из Степногорска-16. Читая рванные строки, она чувствовала, как реальность плывет. Это казалось бредом, сценарием про инопланетян, но страх в словах был слишком настоящим.

«Город не просто умирает, он растворяется. Мы заходили в жилые кварталы и видели пустую одежду. А людей нет. Ни костей, ни кожи. Мгла слизывает органику подчистую. Пустые пуговицы на пустых воротниках — вот и всё, что осталось».

Она перелистнула страницу, где Вадим описывал, как сталь превращалась в ничто.

«Металл больше не защита. Я видел, как БТР-80 просто осел, когда коснулся рыжего налета. Броня поплыла, как подтаявший сахар, и за секунды рассыпалась в серую пыль.

Ты касаешься оставленной машины, а твои пальцы проваливаются сквозь сталь, и вся эта махина осыпается кучей трухи».

Особенно жутко было про Червей.

«Им не нужно тебя есть, им нужно управление. Червь входит и замещает нервную систему. Человек перестает чувствовать боль. Мы в них из Калашей в упор лупим, грудь в решето, а они не замедляются — черви внутри держат ткани как каркас. А потом эта тварь разевает рот и плюет кислотой... Смесь сибирской язвы и холеры».

В самом конце — дата последнего боя и смерть её сына, Андрея. Вадим писал это, когда город уже «жевали».

«Нас решили списать. Когда Мгла пошла через периметр, штаб вызвал авиацию. Андрей был на первом посту, в бетонном капонире. Но бетон уже был "пустой" — Мгла сожрала арматуру внутри стен еще вчера. Когда ударили снаряды, капонир просто сложился

внутри, превратившись в пыль и крошку. Андрея завалило обломками. Он не успел ни выйти, ни сказать ничего. Свои же похоронили его под тоннами бесполезного бетона... А рыжие нити уходили в землю прямо перед взрывом».

Она выронила тетрадь и подошла к окну. Маленький, сонный город без единого троллейбуса казался картонной декорацией. Она стояла в полной прострации, глядя на соседнюю пятиэтажку. В голове набатом били слова из тетради: «растворенные люди», «черви», «пустой бетон».

Это не могло быть правдой. Это было слишком похоже на фантастику. Но почему тогда Савельев прятал глаза? Почему КГБшники мариновали их на карантине так, будто они зачумленные? Она смотрела на серые стены домов и не знала: то ли она сходит с ума, то ли этот тихий городок уже превратился в такую же полупустую декорацию, как Степногорск-16. Она знать не знала, что это за дрянь, зачем она здесь и почему мир вокруг всё еще делает вид, будто он жив, когда арматура внутри зданий, возможно, уже превратилась в труху.

Ну какие черви? Какая растворенная броня? С одной стороны — дикий вымысел, с другой — всё пугающе сходится. Похоже это на правду или нет? Мозг отказывался принимать такую реальность, но интуиция орала благим матом: «Беги!».

Похоже, не похоже... хрен его знает. Но что-то думать надо было уже сейчас. Потому что завтра этот «пустой» бетон может сложиться и над её головой. Она сжала тетрадь.

Отпуск, значит? Ну, пусть будет отпуск. Только отдыхать она явно не собиралась.

Глава 11. Передача эстафеты

Марк стоял у парапета старого моста, лениво рассматривая мутную воду. В этом сонном городке он, со своей выправкой и слишком качественной курткой, смотрелся чужеродно. Официально — представитель международной конторы по поиску без вести пропавших, человек, который копается в архивах и старых списках. Для Лены он был единственной зацепкой, не связанной с душными кабинетами РОВД и запахом хлорки.

Она подошла со спины, сжимая в кармане тетрадь. Руки мелко подрагивали. В голове крутилась одна мысль: «Отдай и забудь. Это слишком опасно. Это не твое дело».

— Марк? — она остановилась в паре шагов.

Он обернулся. Спокойный взгляд, вежливая улыбка.

— Елена. Рад вас видеть. Есть новости по спискам?

Она не стала отвечать. Лишнего говорить нельзя — годы работы в милиции научили держать язык за зубами, особенно когда речь идет о «внутренней кухне». Она просто выхватила тетрадь и протянула ему.

— Вот. Это... дневник одного солдата. Из Степногорска-16. Там есть данные, которых нет в ваших официальных запросах. Имена, даты. Мой сын Андрей... он тоже там упомянут. Последние часы.

Марк медленно взял тетрадь, пролистал пару страниц. Его лицо на мгновение стало жестким, когда он зацепился за строки о «пустом» бетоне и пропавших людях.

— И что вы хотите, чтобы я с этим сделал? — тихо спросил он, не поднимая глаз.

И тут Лена прорвало. Сомнения и страх выплеснулись в бесконечный поток вопросов. Она не говорила про Савельева, про карантин или про странные задержания — она

спрашивала как мать, как человек, который хочет верить, что за бумажной стеной есть хоть какой-то смысл.

— Вы сможете это проверить? Ну, через ваши международные связи? Это полезно для поиска? Вы же ищете пропавших, так там целые списки! Сможете вы что-то сделать с этой информацией? Марк, вы вообще понимаете, что там написано? Что люди исчезают, техника рассыпается... Это же... это же вообще как? Вы с таким сталкивались? Вы поможете хоть кому-то, если эта тетрадь окажется правдой? Или вы её просто в архив засунете и забудете? Сможете вы вытащить хоть какую-то правду об Андрее, если там всё так, как Вадим пишет?

Марк мягко перехватил её за локоть.

— Елена. Успокойтесь. Вы задаете слишком много вопросов сразу.

— А как мне их не задавать?! — она почти шептала, вглядываясь в его лицо. — Вы понимаете, что это за тетрадь? Это не просто мемуары. Если это правда — значит, всё, что нам говорят по телевизору, это вранье. Вы сможете докопаться? Поможет вам это в работе или я зря рискую, отдавая её вам? Полезно это? Скажите честно!

Марк спрятал тетрадь во внутренний карман.

— Елена, любая информация о судьбе пропавших — полезна. Если то, что здесь написано, подтвердится, это изменит не только мои списки, но и представление о том, что мы вообще ищем. Я проверю. Обещаю.

Он развернулся и быстро зашагал к машине, оставив её на мосту. Она стояла в прострации, глядя в его спину. Тетради больше не было, но легче не стало. В голове всё равно роились «думки»: поможет — не поможет? Бред это всё или реальная угроза, от которой нет спасения?

Она смотрела на тихую воду под мостом и думала: «Похоже на правду? Да черт его знает... Но что-то думать надо». Городок за её спиной продолжал делать вид, что он жив, но Лена уже не была в этом уверена.

Эпизод 2

Ночь. Комната Вадима.

В квартире стояла тяжелая, липкая тишина. Инна рывком вытряхнула содержимое армейского вещмешка прямо на ковер. Вещи посыпались кучей: застиранная х/б, гражданка, тяжелый поясной ремень. Воздух мгновенно пропитался густой, приторной сладостью.

Среди тряпок глухо звякнула массивная пряжка. Она была густо покрыта странным налетом — сухая рыжая стружка, до жути похожая на обычную ржавчину, но с маслянистым, живым отливом. Инна, не глядя, схватила её пальцами, собираясь бросить в сторону.

Агрессивная фаза сработала в ту же секунду.

Рыжая «ржавчина» оказалась живой. Стружка мгновенно впилась в подушечки пальцев, прошивая кожу, как микроскопические раскаленные иглы. Пряжка не упала — она буквально всосалась в ладонь, привариваясь к живой ткани. Инна вскрикнула, дернула рукой, но было поздно. По предплечью под кожей стремительно метнулись бурые жгуты, разрывая сосуды.

Началось горение. Тело превратилось в раскаленную топку изнутри. Женщину бросило в такую ломку, что суставы вылетали из сумок с мокрым хрустом. Она рухнула на колени, содрогаясь в конвульсиях. Зубы застучали с такой силой, что эмаль разлеталась по комнате острой крошкой — челюсти в дикой судороге перемалывали сами себя. Животный ужас парализовал сознание, пока плоть теряла структуру. Пальцы на руках посинели, вздулись и начали растекаться, превращаясь в розовую слизь. Она пробовала опереться о пол, но ладони таяли, впитываясь в линолеум. Процесс шел на бешеной скорости. Крепкое тело просто распадалось прямо в одежде. Трикотажная кофта и домашние брюки осели, складываясь в пустую оболочку. Под тканью больше не было скелета — кости растворились, став топливом для биомассы. Инна исчезла. На полу не осталось ни крови, ни волос — только бурлящее пятно буро-красного субстрата, которое начало медленно расползаться по паркету, пропитывая ворс ковра и вгрызаясь в бетонную плиту. Все затихло в пределах четырех стен. В коридор и к соседям не просочилось ни звука, ни капли — только пустая одежда в центре комнаты напоминала о том, что здесь кто-то был.

Глава 1: Бред в переплете

Марк щелкнул зажигалкой, и огонек на мгновение выхватил его лицо — застывшую маску аналитика. На столе под лампой лежали два мира. Один — официальный, в папках Top Secret от Лэнгли. Второй — ломаный, в общей тетради Вадима, сына Инги.

— Сказки на ночь, — пробормотал он, затягиваясь «Мальборо».

Его учили искать следы изотопов, но почерк девятнадцатилетнего пацана рисовал иную картину. Марк сопоставлял записи с картой этого сектора Казахской ССР. Слова Вадима ложились на сетку координат, которую он зазубрил еще в Лэнгли. Это он сам дал наводку Лене: вычислил примерный район, где мог «потеряться» её сын, и посоветовал искать тех, кто призывался с ним в один день. Так она вышла на сына Инги. Но ни Марк, ни Лена до этого момента не знали точно, куда именно забросили пацанов — в документах была пустота. Теперь тетрадь Вадима заполняла этот пробел.

Из тетради Вадима (Сентябрь 1989)

Марк перевернул страницу. Почерк был корявый, карандаш кое-где рвал бумагу. Типичный дневник срочника, которого выдернули из учебки в ад.

> «Нас погнали на северо-восток от Зеленограда. Пылили часов пять, протряслись мимо пустых поселков и каких-то старых колхозных ангаров. Встали в оцепление. Командиры орали, чтобы дальше ни шагу. Впереди, там, где по карте должна быть пустота, неба вообще не было. Над всем этим местом висела рыжая марь, густая, как кисель. Плотная такая точка по контуру города, она даже не шевелилась, хотя ветер в степи дул вовсю. Просто висела над крышами и всё».

>

Марк замер. «90 км на северо-восток». В памяти всплыли зернистые снимки: спутник Лэнгли тогда зафиксировал над этой точкой в степи огромную, четкую рыжую аномалию. Она не дрейфовала, как облако, она игнорировала розу ветров.

> «Дождь пошел почти сразу после того, как мы приехали. Резкий такой, тяжелый, по башке лупил. Он всю эту рыжую муть прибил к земле. Сразу стало как-то чисто, и

Савельев из КГБ скомандовал заходить. Им за какими-то бумажками в центр надо было, а мы как прицепы. Заехали в город на броне, и тут началось. Те БМП, что попали под взвесь, стали прямо на ходу рассыпаться. Металл стал как труха ржавая, пальцем ткни — дыра. Краска лохмотьями, резина потекла. А в самом городе — тишина такая, что в ушах звенело. Ни души. Только пыль эта рыжая под сапогами шуршит».

>

Пустые вещи

Марк провел пальцем по строчкам. Описания пустых квартир в тетрадке пацана звучали страшнее любого официального отчета.

> «В дома заходить было жутко. Везде пусто, но одежда везде валяется. Горы тряпок в квартирах, ботинки в коридорах, рубашки на диванах брошены. Странно так — люди пропали, а шмотки их лежат нетронутые. Такое ощущение, что этой дряни одежда просто не понравилась на вкус, как будто она невкусная или бесполезная, вот она ее и выплюнула, а людей съела. Но иногда из подвалов лезло... оно. Мертвецы. Их мало было, но они вообще боли не знали. Мы в них из автоматов лупим, пули в мясо входят, а им хоть бы хны. Шли на нас и плевались какой-то розовой гадостью. Если на костюм попадет — всё, ОЗК прогорает до мяса за секунды. Те машины, что мы обратно вывели, Савельев сжечь велел. Сказал — грязные они, проело их насквозь этой заразой».

>

Скепсис аналитика

Марк захлопнул тетрадь и откинулся на спинку стула.

— Бред, — выдохнул он в потолок.

Для него эта тетрадь была артефактом прошлого. Да, была «рыжая точка» на спутнике, идеально совпавшая с координатами за макро-поселками. Но рассказы про «невкусную одежду» и мертвецов, которых не берут пули, выглядели как типичный армейский фольклор. Вадим надышался какой-то химии при аварии на объекте, увидел пустой город и додумал остальное от страха перед неизвестным.

Он убрал тетрадь в сейф. Тот безымянный объект в степи Казахской ССР остался закрытой страницей. Марк был уверен, что Вадим просто привез из той командировки инфекцию, а теперь все эти байки — лишь эхо пережитого ужаса.

Марк запер тетрадь в сейф. Офис в этом сером промышленном городке Казахской ССР был обставлен с тем министерским аскетизмом, который позволял не привлекать лишнего внимания. Его официальный статус специалиста по поиску пропавших без вести — гуманитарная миссия, поддержанная международными протоколами — открывал любые двери и снимал лишние вопросы у местных властей.

Он подошел к столу и снял трубку обычного телефона. Для связи с представительством не требовалось шифров и антенн — достаточно было рабочего разговора двух коллег, обсуждающих списки имен. Марк знал, что линию могут слушать, но его легенда была безупречна.

Телефонный разговор (Запись по памяти для рапорта)

— Добрый день, это Марк. Да, по линии розыска. У меня тут наметился определенный прогресс по спискам конца 89-го года. Вышел на контакт с местным инспектором по делам несовершеннолетних, Еленой Александровной. По моей наводке она подняла архивы

призывников, и мы подтвердили связь: её сын и некий Вадим, сын Инги, были призваны в одно время. По моим предположениям, их направили в одну и ту же точку. Елена Александровна передала мне дневник Вадима — он вернулся с тяжелой травмой, но вел записи. Она рассчитывает, что это поможет в поисках остальных ребят из их призыва. Завтра отправлю пакет документов с этими показаниями в представительство для архива и подтверждения личностей. Конец связи.

Доклад в Центр (Факс-отправка через защищенный терминал представительства)

> Кому: Директорат операций.

> Тема: Оперативные контакты и первичные данные по неопознанному инциденту 1989 г.

> Статус: Конфиденциально.

>

«В рамках официальной деятельности по поиску пропавших без вести осуществлен плотный контакт с объектом "Елена Александровна" (местный инспектор по делам несовершеннолетних).

Ход разработки:

По моей прямой наводке Елена Александровна провела проверку списков призывников. Установлено, что её сын и сын объекта "Инга" (Вадим) были призваны одновременно. Мои аналитические выкладки указывают на их совместную дислокацию в сентябре 1989 года. На основании этого доверия Елена Александровна передала мне личный дневник Вадима для содействия в поисках остальных членов группы.

Краткий анализ данных дневника:

- * Подтверждаю координаты визуальной аномалии (рыжая взвесь) в 90 км к северо-востоку от Зеленограда.

- * Описана высокая агрессивность среды: физическое разрушение металлов (ржавый тлен) по контуру города.

- * Упоминаются случаи нетипичного поведения биологических объектов (резистентность к стрелковому оружию).

Личная оценка:

Считаю записи в тетради продуктом "окопного фольклора". Описания мертвецов и избирательного аппетита инфекции списываю на галлюцинации девятнадцатилетнего пацана, вызванные химическим воздействием на фоне стресса. Внимание: По официальным советским данным эти лица могут проходить как "погибшие при выполнении интернационального долга в Афганистане". Требуется сверка с афганскими архивами.

Предложения:

- * Вербовка Елены Александровны: Использовать её статус инспектора и личную мотивацию как основной рычаг.

- * Анализ: Оригинал тетради отправляю диппочтой для сопоставления фактов».

Марк положил лист в прорезь аппарата. Послышался характерный писк уходящего сигнала. Через минуту на экране мигнуло подтверждение доставки.

Он отошел к окну и закурил. Елена Александровна сделала за него самую сложную часть работы — легализовала связь между двумя пропавшими пацанами. Теперь у него была зацепка, ведущая прямоком в "рыжий купол", но верить в бредни про неуязвимых мертвецов он всё еще отказывался.

— Афган, химия или просто страх, — пробормотал он, глядя на пустую улицу. — Но завтра эта тетрадь станет проблемой Лэнгли.

Марк поднялся на четвертый этаж. В подъезде было чисто, пахло казенным мылом — Касимова даже здесь поддерживала дисциплину. Он постучал, и Елена Александровна открыла почти сразу. На ней был домашний халат, взгляд оставался тяжелым, инспекторским.

Она молча пропустила его на кухню и присела на край табурета. На столе стояла одинокая кружка.

— Я изучил материалы, — начал Марк, понизив голос. — Елена Александровна, тетрадь Вадима действительно может помочь. Если мы найдем зацепки по остальным ребятам из того призыва, у нас появится шанс. По моим каналам я уточнил детали: их дислокация была в ста километрах отсюда, в западную сторону.

Лена замерла, на мгновение перестав дышать. Она уставилась на Марка, в глазах читалось искреннее изумление.

— Сто километров? Марк, вы же мне говорили — сорок. Откуда теперь такая цифра? Это же совсем рядом... Я понимала, что он тут, под боком, погиб, но сто километров — это же за самыми дальними поселками.

— Те сорок километров в бумагах были лишь примерной наводкой, — отрезал он. — Реальные маршруты ведут глубже в степь. Мне нужно, чтобы вы помогли уточнить по спискам, кто еще призывался в те же даты. Нам нужны имена всех, кто мог там оказаться. Лена тяжело вздохнула и покачала головой.

— Не смогу я со списками, Марк. Меня в отпуск выставили. Выперли из отдела после того случая, сижу теперь дома. Сказали: «Отдыхай, Александровна». К архивам мне теперь хода нет, даже за порог не пустят. Стрёмно всё это.

Марк нахмурился, обдумывая ситуацию.

— Понятно. Тогда идем другим путем. Мне нужно встретиться с Ингой. Лично. В тетради её сына много недосказанного, мне нужно знать, что он рассказывал ей, когда вернулся. Понимаю, что я здесь чужак, и если приду сам — она даже дверь не откроет. Вы сможете это организовать? Чтобы мы вместе к ней зашли?

Лена посмотрела на свои руки. Боль от потери сына в ней теперь смешивалась с холодной яростью из-за всей этой лжи.

— Инга сейчас никого не принимает. Сидит в своей конуре, как под обстрелом. Но раз вы подтверждаете, что записи Вадима — это ключ к остальным... — она резко кивнула. — Хорошо. Мы пойдем вместе. Она меня знает, при мне заговорит. Завтра.

Марк кивнул. Теперь они были повязаны общим секретом.

— Договорились. Завтра идем к Инге. Попробуем свести всё это воедино.

Глава 2

Вечер выдался тихим и каким-то тягучим. Майское солнце уже сползло за крыши пятиэтажек, оставив на пыльных стеклах окон мутный медно-красный отсвет. В воздухе пахло молодой листвой, сырой землей из палисадников и едва уловимым дымом от

костра — кто-то во дворах жег старые ветки. Обычный мирный вечер, когда город готовится к отдыху, и только длинные тени между домами казались слишком глубокими. Лена и Марк шли молча. Грязь вперемешку с мелким щебнем хрустела под подошвами. Мимо проехал почтовый фургон, обдав их запахом бензина и старой бумаги. На лавочке у подъезда две старухи в платках о чем-то негромко переговаривались, провожая прохожих долгими, безучастными взглядами.

— Пришли, — негромко сказала Лена, кивнув на стандартный панельный дом. — Лифт опять не тянет, придется пешком.

В подъезде стоял густой запах хлорки. Света на лестничных пролетах почти не было, только из-под дверей пробивались тонкие полоски электрического желтого света. Марк шел следом, стараясь не задевать плечом обшарпанные стены. На верхних этажах стало заметно тише, словно звуки города остались где-то далеко внизу.

Лена остановилась перед обитой потертым дерматином дверью. Она коротко постучала.

— Инга, это я, Лена. Открывай.

За дверью стояла мертвая тишина. Лена постучала снова, уже настойчивее, но квартира не отзывалась. Она продолжала тарабанить в дверь пять минут, раз за разом выкликая подругу. Глухой вакуум за запертой дверью казался почти осязаемым.

Марк замер, подавшись вперед. Он почти коснулся лицом дверной щели, медленно втягивая носом воздух.

— Лена, стой, — негромко прервал он её, отодвигая её руку от двери. — Чувствуешь? Из-за двери тянет чем-то странным.

Запах был тяжелым, липким и неестественно кисло-сладким. Он пробивался сквозь щели, медленно вытесняя запах подъездной хлорки. Марк нахмурился — этот аромат был ему знаком.

Лена снова дернула ручку — закрыто. Намертво. Она обернулась к Марку, в тусклом свете лестничной клетки её лицо казалось серым.

— Надо искать ключи, — бросила она, оглядываясь на соседние двери. — Соседи начнут вылезать, если будем дальше шуметь. Что делать будем?

Лена с силой дернула ручку еще раз — та даже не люфтила. Она обернулась к Марку, стараясь скрыть нарастающее беспокойство.

— Надо в дежурку звонить, — коротко бросила она. — Сама я вскрывать не буду, я в отпуске, полномочий сейчас ноль. Пойду к Петровичу, у него телефон рабочий, наберем наших.

Она сделала пару шагов к соседней двери и нажала на кнопку звонка. В глубине квартиры раздалась дребезжащая трель. За дверью сразу затихло, а потом послышалось тяжелое шарканье.

— Кто там? — раздался настороженный старческий голос.

— Петрович, это Лена Касимова. Открывай!

Замок загремел, дверь приоткрылась на длину железной цепочки. В проеме показалось помятое лицо старика в выцветшей майке.

— Александровна? Ты чего шумишь? Случилось чего у Инги?

— Да не открывает она, Петрович. Стучу пять минут — тишина. И пахнет из-за двери... сам чувствуешь, кислятиной какой-то несет. Дай из прихожей в отдел набрать, пускай ребята приедут, вскроют. Мало ли что там.

Старик замялся, бросив быстрый взгляд на Марка, стоявшего в тени, но цепочку скинул.

— Проходи, проходи... Вон он, на тумбочке. Только быстро, а то я «Время» смотрю, отвлекаешь.

Лена прошла в тесную прихожую и схватила тяжелую трубку дискового телефона. Пальцы привычно набрали номер дежурной части.

— Дежурный? Касимова на связи. Да, знаю, что в отпуске, не ори. Записывай адрес...

Пятиэтажка у парка, второй подъезд. Тут дверь заблокирована, запах из квартиры посторонний, женщина на контакт не выходит. Присылай наряд и слесаря из ЖЭКа выпечите, надо вскрыть и посмотреть, что внутри. Я на месте, жду.

Она с грохотом положила трубку и кивнула Петровичу.

— Спасибо, выручил.

Выскочив обратно на лестничную клетку, она подошла к Марку.

— Всё, наряд едет. Сказали, ППС-ники рядом крутились, слесаря по пути подберут.

Марк нахмурился, вслушиваясь в мертвую тишину за дверью Инги. Кисло-сладкий запах теперь казался еще гуще, он словно обволакивал их, пропитывая одежду.

— Десять минут — это долго, — негромко сказал он.

Лена посмотрела на него, потом снова на закрытую дверь. В тусклом свете подъезда её лицо казалось каменным.

— Ждем, Марк. Я сейчас официально никто, без протокола и ребят соваться не имею права.

Они замерли. Внизу хлопнула входная дверь подъезда, и по лестнице загрохотали тяжелые шаги. На площадку поднялись двое сержантов, а следом за ними, отдуваясь, ввалился мужик в засаленной спецовке с тяжелым ящиком инструментов.

— Здравия желаю, Елена Александровна, — козырнул один, подозрительно косясь на Марка. — Что тут у вас? Опять бытовуха?

— Вскрывают, — коротко бросила Лена, кивнув на дерматиновую дверь. — Пахнет нехорошо, и тишина подозрительная. Посмотрим, что там внутри.

Слесарь, ворча под нос про сверхурочные, присел перед замком и достал массивную монтировку. Раздался противный скрежет металла по металлу. Сержанты отодвинули Марка и Лену чуть назад, положив руки на кобуры. Когда замок наконец поддался с глухим треском, дверь медленно, словно нехотя, начала приоткрываться внутрь темноты.

Сержант первым шагнул в темный зев прихожей, ведя перед собой дрожащим лучом фонаря. Лена и Марк зашли следом, и дверь за ними закрылась, отсекая звуки подъезда. Внутри стояла такая плотная, ватная тишина, что звук собственного дыхания казался оглушительным. Воздух в квартире был тяжелым, спертый, пропитанным едким запахом старого железа и какой-то тошнотворной, липкой сладостью.

— Ну и вонища... — прохрипел сержант, прикрывая нос рукавом шинели. — Тут дышать нечем, Александровна. Как она тут жила-то в таком содоме?

Они двинулись по узкому коридору. Свет фонарика выхватывал из темноты обычные приметы жилья: поношенные тапочки у порога, пыльное зеркало в тяжелой раме, вешалку

с пальто. Но чем дальше они проходили вглубь, тем сильнее становился металлический привкус во рту, а в висках начинал пульсировать тонкий, едва уловимый зуд. Марк шел последним, чувствуя, как по спине пробегает холод. Его взгляд зацепился за стену — в полумраке казалось, что обои местами потемнели, покрывшись странными, ветвистыми пятнами, похожими на капилляры.

Сержант толкнул дверь в комнату сына и замер на пороге. Луч фонаря дернулся и застыл на полу у кровати.

— Господи... — выдохнул он, пятясь назад и едва не сбивая Лену.

Инга лежала на ковре. Картина была тошнотворной в своей противоестественности: рядом на полу в беспорядке лежали вещи, часть из которых была прилично заляпана кровью. Сама женщина выглядела разобранной. Тело напоминало иссохший, потемневший остов, который кто-то неумело пытался сдвинуть с места. Рука лежала чуть в стороне, а туловище казалось пустым, выпотрошенным изнутри, как старая кукла, из которой высыпались опилки.

Крови на самом теле не было — только густой слой серой, похожей на пыль трухи, которая ровным слоем покрывала останки и ковер вокруг. Всё это напоминало те страшные находки из милицейских сводок, когда одиноких людей находят в запертых квартирах спустя месяцы, когда тела успевают высохнуть до состояния пергамента. Но Лена знала, что они с Ингой ровесницы, и еще неделю назад та была живой женщиной. То, что произошло с ней за несколько дней, не поддавалось никакой логике.

— Слышь, Александровна... — сержант попятился, закрывая рот ладонью. Его голос дрожал от брезгливости. — Это что за чертовщина? Как она так быстро... того? Её что, звери какие прямо здесь задрали?

Лена стояла в глубоком, оцепенелом ступоре. В её маленьком городке смерть всегда была понятной: инфаркт, водка или нож в пьяной драке. Но это... Вид подруги, превратившейся в грудку сухих серых ошметков среди окровавленного тряпья, вышиб из неё все профессиональные навыки. В голове был только вакуум и ледяной ужас.

Марк стоял рядом, вжавшись плечом в дверной косяк. Его тоже накрыло. Он видел смерть, но эта «сухая утилизация» вызывала первобытный страх. Башка работала на пол-шишечки, выдавая лишь обрывки панических импульсов. Он смотрел на серую пыль и чувствовал, как она оседает у него в легких, хотя дыхание перехватило.

— Елена... — Марк попытался что-то сказать, но из горла вырвался только сиплый звук. Его ощутимо мутило.

— Назад, — выдавила Лена, наконец обретая способность двигаться. Она схватила Марка за рукав и буквально выдернула его в коридор. — Всем назад. Квартиру опечатать. Сержант, шатаясь, вышел в коридор и прислонился спиной к стене. Его трясло, но руку с рации он не убирал.

— Куда... куда вы, Александровна? — прохрипел он, преграждая путь к выходу. — Ты же понимаешь, я не могу. Труп в квартире, дверь вскрыта... Иностранец этот еще. Меня ж с потрохами сожрут, если я вас сейчас выпущу.

Лена остановилась. В голове гудело. Она видела, что парень на грани истерики, и никакие прошлые заслуги тут не помогут.

— Стой здесь, — Лена тяжело выдохнула, пытаясь унять дрожь. — Марк, сядь вон на тумбочку и молчи. Петрович! Тащи табурет сержанту. И воды вынеси.

Она понимала: теперь только ждать. Приедет дежурка, приедет эксперт. Выйти из этой квартиры просто так не получится — они стали частью протокола.

— Пиши, — Лена кивнула сержанту на его планшет. — Пиши «труп с признаками сильного гнилостного разложения». Не знаю, как она так быстро, может, химия какая... или газ. Зашли, почувствовали запах, вызвали наряд. Мы свидетели, парень. Просто свидетели. Она прислонилась к дверному косяку рядом с Марком. Впереди был долгий вечер допросов и объяснительных. За окном окончательно стемнело. В подъезде слышались тяжелые шаги — приехала криминалистическая группа. В узком коридоре стало совсем тесно. Запах из комнаты начал просачиваться сквозь закрытую дверь, становясь сладковато-приторным, липким. Впереди были часы формальностей, а за ними — пустота, в которой больше не было Инги. Только холодный майский вечер и тихий шорох за спиной.

Допрос шел по кругу. Следователь, сонный и злой, раз за разом заставлял Лену восстанавливать хронологию: во сколько пришли, кто первый почуял запах, почему дверь была не заперта. Для Лены это была пытка — она, опытный инспектор, теперь сама сидела по ту сторону стола, отвечая на вопросы, которые обычно задавала сама. Марка «мурыжили» отдельно. Его статус представителя гуманитарной миссии и иностранный паспорт заставляли дежурных дергаться, но отпустить его до приезда начальства никто не решался. К восьми утра, когда в коридорах загрели ведрами уборщицы, их наконец выставили за порог с приказом никуда не уезжать.

Они стояли на крыльце РОВД. Солнце било в глаза, город просыпался, и мимо спешили люди, для которых эта ночь была просто ночью.

— Жрать хочется... — глухо бросила Лена, застегивая куртку. — Но как вспомню ту комнату, так к горлу подкатывает.

Она нервно дернула плечом, глядя куда-то мимо Марка. Внутри всё ныло — не от голода, а от какой-то пустой, злой тоски. Сорок лет бабе было, жить бы да жить, пацана ждать... А в итоге — серая труха на ковре. Ушла Инка, как-то совсем по-глупому, страшно ушла, даже попрощаться не успели. Свалила в небытие, оставив после себя только этот сладковатый запах в ноздрях, который теперь ни мылом, ни духами не вытравишь. Марк кивнул. Его лицо за ночь осунулось, под глазами залегли темные тени. Он посмотрел на свои руки — казалось, пыль из квартиры всё еще покалывает кожу.

— Елена, — Марк заговорил тихо, глядя на пустую привокзальную площадь. — Вы ведь тоже это видели. Вещи на полу... рядом с тем, что осталось.

— Ты про тетрадь Вадима? — Лена остановилась и медленно повернулась к нему. Взгляд её был тяжелым. — Про пустые дома и одежду, которая этой дряни не понравилась?

— Да, — Марк замялся, подбирая слова. — Запись в тетради... она пугающе совпадает. Вещи лежат отдельно, тело — отдельно.словно один и тот же почерк. Но у меня всё равно сомнения. В дневнике люди исчезали бесследно, оставалась только пустая форма. А здесь... здесь мы нашли её. Изуродованную, высохшую, но нашли. Это не сходится до конца.

— У меня тоже не сходится, Марк, — Лена сжала кулаки. — Я за годы работы столько бреда наслушалась от подследственных, что привыкла делить всё на десять. Мало ли,

что пацан в окопе от страха нафантазировал. Может, это химия какая-нибудь новая, или зараза из тех, что в секретных НИИ выращивают. Совпадения бывают, сам знаешь.

Тетрадь — это одно, а реальный труп подруги на полу — совсем другое.

Она замолчала, глядя, как мимо проезжает обычный рейсовый автобус. Жуткое осознание того, что окопный фольклор из тетрадки Вадима слишком уж складно ложится на реальность в пятиэтажке у парка, накрыло её ледяной волной, но верить в это до конца не хотелось. Слишком уж это было за гранью всего, чему её учили в школе милиции.

— Бактерия, вирус или просто яд — неважно, — Марк заговорил быстрее, его голос вибрировал. — Но Инга теперь мертва. И если Вадим привез это в себе, значит, оно уже здесь.

Лена посмотрела на здание отдела, где сейчас криминалисты оформляли бумаги по делу, которое никто не знал, как расследовать.

— Если она проснется там, в лаборатории... или если это только начало... — она не договорила.

Они стояли посреди мирного майского утра, два человека, которые отчаянно пытались убедить себя, что увиденное — всего лишь страшная аномалия, а не начало конца для этого сонного, ничего не подозревающего городка.

Лена подошла ближе и заговорила почти шепотом, едва шевеля губами, так что Марку пришлось наклониться:

— Я не знаю, с кем ты там на самом деле работаешь и как ты работаешь, но если об этом кто-то узнает... КГБ нам по жопе даст так, что костей не соберем. Мне уже один раз прилетело, больше не хочу. Послушай, Марк, я ведь уже видела нечто похожее. Совсем недавно. Именно из-за этого меня в отпуск и выперли — попёрли из органов, «вымели» из рядов с волчьим билетом и подпиской о неразглашении. Сказали: «Отдохни, Александровна, нервишки подлечи», а на деле просто рот заткнули и недвусмысленно намекнули, чтобы я из города уезжала. Довели до ручки, лишь бы я помалкивала.

Она нервно оглянулась на окна отдела и продолжила, еще сильнее понизив голос:

— Если я сейчас попробую собраться и рассказать тебе про ту фигню, в которую я встряла на самом деле... Если я вообще смогу это словами описать... В общем, я видела это своими глазами. Я тогда не знала, что там кто-то умер, про смерти мне никто не докладывал. Я видела только червей. Чертову прорву червей, и это было точь-в-точь как в тех записях Вадима. Та же мерзость, которую не объяснишь учебником криминалистики. И я не знаю, что с этим делать. Но если мы сейчас начнем орать моим, что это какая-то «бактерия-утилизатор» из секретной тетрадки — нас запрут далеко и надолго. И поверь, в таких местах иностранный паспорт тебя не спасет, а меня и подавно. Ты-то, может, и выкрутишься, а мне деваться некуда. У меня здесь всё.

Она замолчала, глядя, как мимо проезжает обычный рейсовый автобус. Жуткое осознание того, что её личный кошмар, из-за которого её лишили погон, теперь переплелся с историей Вадима и трупом подруги, накрыло её ледяной волной. Привязки, совпадения, записи в дневнике — всё это складывалось в одну картину, и от этого понимания становилось ясно: это полная жопа.

— Так что пока — это просто химия, Марк. Или маньяк. Понял? Мы просто свидетели мокрухи. Иначе мы сотрем себя из этой жизни быстрее, чем та пыль стерла Инку.

Они стояли посреди мирного майского утра, два человека, которые отчаянно пытались убедить себя, что молчание — это их единственный способ дожить до следующего рассвета.

Марк долго молчал, разглядывая трещины на асфальте у крыльца. Потом поднял взгляд на Лену. В его глазах больше не было профессиональной отстраненности — только усталость и странная, тяжелая решимость.

— Я попробую помочь, Елена. Своими силами, — он выделил последние слова, давая понять, что официальные каналы тут не задействованы. — У меня есть... определенные возможности. Если мы будем работать вместе, мы сможем что-нибудь продумать. Вы поделились со мной этой тетрадью, вы фактически добровольно вписались в помощь по остальным пропавшим ребятам, хотя могли просто забиться в угол. Я это ценю.

Он на мгновение замаялся, подбирая слова:

— Если мы объединим то, что знаете вы, и те зацепки, которые я смогу вытащить... У нас появится шанс понять, что здесь происходит, и при этом не исчезнуть самим. Вы дали мне информацию, я дам вам прикрытие. Вместе мы что-нибудь придумаем.

Лена усмехнулась, но в глазах блеснула искра надежды.

— Думаешь, прорвемся? Ладно, американец. Раз уж мы оба в этой яме по самые уши, давай пробовать. Только помни: если начнем тонуть — за руку не держись, выплывай сам. Марк вошел в офис, когда город уже окончательно проснулся. Солнце безжалостно высвечивало пыль на подоконниках и заляпанный кофе стол. В голове гудело, словно там работал неисправный трансформатор. Он не спал больше суток, и реальность начала двоиться: перед глазами то всплывало застывшее, серое лицо сержанта из РОВД, то корявые строчки из тетради Вадима.

Он швырнул куртку на стул и, не снимая ботинок, завалился в кресло. Спина затекла, во рту стоял кислый вкус старой пепельницы и того самого сладковатого тлена из квартиры Инги. На терминале мигал индикатор — пришло подтверждение по защищенному каналу из Лэнгли.

Марк вчитался в текст, и остатки сна испарились, сменившись глухой, вибрирующей яростью. Эти кабинетные крысы в Вирджинии решили поиграть в богов.

«Классификация операции изменена: MILITARY/CRITICAL. Цель: Сбор биоматериала и изъятие первичного источника (Тетради). Группа поддержки: USMC (2 чел.), SAS (4 чел.). Контактному лицу раскрыть принадлежность. В случае отказа от сотрудничества — полная ликвидация свидетеля».

— Ликвидация... — прохрипел Марк, чувствуя, как дергается веко. — Вы бы хоть задницу от кресел оторвали, прежде чем такие директивы строчить.

Они там думали, что это просто строчка в отчете. Они не сидели на тумбочке в прихожей, пока в соседней комнате из человека высыпалась серая труха. Марк понимал: без Лены они здесь — просто тараканы на чужой кухне, которых прихлопнут первым же сапогом КГБ. Ему нужно было скормить штабу факты, от которых у аналитиков вспотеют ладони. Он рывком пододвинул к себе терминал и начал печатать, поминутно восстанавливая кошмар в квартире.

«ДОПОЛНЕНИЕ К РАПОРТУ 402-С. СРОЧНО. ПРИОРИТЕТ — ВЫСОКИЙ»

* Обстоятельства: Совместно с объектом Елена Александровна осуществлен выход по адресу проживания объекта «Инга». Цель: верификация данных тетради.

* Обнаружение: Объект «Инга» обнаружена в состоянии, идентичном описаниям из тетради («Пустые вещи»). Тело подверглось неестественно быстрой деструкции. Визуально: иссохший остов, внутренняя полость пуста. Срок трансформации — менее 7 суток.

* Специфические повреждения: Отдельные конечности (руки) отделены от туловища. Характер повреждений напоминает нападение крупного хищника, однако входная дверь в квартиру была заперта изнутри, следы взлома отсутствуют. Данный факт прямо коррелирует с записями в дневнике об агрессивной фазе заражения, не оставляющей шансов на выживание в замкнутом пространстве.

* Биологические маркеры: Зафиксирован интенсивный кисло-сладкий запах с металлическим привкусом. На месте обнаружена специфическая серая пыль (труха).

* Роль объекта Елена Александровна: В ходе инцидента проявила исключительную психологическую устойчивость. Несмотря на личную связь с погибшей, Елена Александровна мгновенно взяла ситуацию под контроль. Она обеспечила легализацию инцидента через местные каналы как «естественную смерть», предотвратив вмешательство КГБ и немедленный биологический карантин города, который сделал бы нашу работу невозможной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Ликвидация Елены Александровны сейчас — это добровольный отказ от единственного проводника, способного обеспечить группе доступ к закрытым объектам и «фильтровать» внимание местных властей. Группы USMC и SAS без её сопровождения будут немедленно дешифрованы как внешняя угроза.

ТРЕБУЮ:

Подтвердить статус Елены Александровны как «критически важного оперативного актива». Инструкции по ликвидации аннулировать. Сбор образцов будет произведен прибывшей группой под её непосредственным прикрытием.

Марк нажал «Выполнить» и откинулся назад, слушая, как стрекочет аппарат. Через пятнадцать минут экран мигнул. Помимо официального штампа подтверждения, высветилась неформальная приписка от дежурного оператора связи:

«УТВЕРЖДЕНО. Ликвидация отменена. Статус Елены Александровны — актив под личную ответственность Марка. Группа SAS уведомлена о смене протокола. Ждите прибытия».

Ниже шла живая строка:

«Марк, я всё понимаю — Союз, тоска, плохая еда... Но ты там что, пить начал? Ты вроде всегда был непьющим человеком, а тут в рапорте — запертые комнаты и расчлененка от "диких зверей". Ты там аккуратнее с местным "столичным" гостеприимством, а то в следующий раз пришлешь отчет о нашествии марсиан. Короче, статус мы тебе подтвердили, но если по прибытии спецы увидят, что ты просто перегрелся на солнце — отчет пойдет в отдел безопасности. Удачи, "зверобой". Группа будет у тебя через 12 часов».

Марк горько усмехнулся, глядя на мигающий курсор.

— Если бы это была водка, старина, я бы сам тебе налил, — прошептал он в пустую комнату.

Он выключил терминал. Теперь отступить было некуда. Он официально сделал Елену Александровну частью механизма ЦРУ, и у него оставалось всего полдня, чтобы объяснить ей, почему её жизнь теперь зависит от того, насколько убедительно она сможет сыграть роль «актива».

Марк потянулся к телефону. Пальцы слегка дрожали, когда он набирал её номер.

— Алло, Лена? Это Марк. Нам нужно встретиться. Прямо сейчас. И забудь про "просто химию". Всё гораздо хуже.

Марк ждал её у подъезда, втянув голову в плечи и пряча руки в карманы помятой куртки. Когда Лена подошла, он не стал ничего объяснять на улице — только коротко кивнул на дверь её квартиры. Поднимались молча, в гулком ритме шагов по бетонным ступеням, которые сейчас казались Лене дорогой на эшафот.

В квартире Марк даже не разулся. Он прошёл на кухню, замер у окна и уставился на серые крыши пятиэтажек. Вид у него был паршивый: красные от бессонницы глаза, густая щетина и какая-то новая, виноватая сутулость.

— Лена, я... — он замолчал, нервно переплел пальцы. Голос звучал глухо, почти шепотом.

— Помнишь, я говорил, что попробую помочь своими силами? Что дам прикрытие? Я тебе наврал. Не совсем, но... всё оказалось масштабнее. Те записи Вадима, тетрадь — я отправил их своим в Лэнгли. Я не мог иначе, пойми. Это признали критической угрозой. Марк наконец повернулся к ней, но взгляд не поднял. Сейчас он выглядел как человек, который совершил предательство и сам от этого задыхается.

— Сюда едут люди, Лена. Настоящие спецы. Морская пехота и SAS — британцы. Они будут в городе через двенадцать часов. И... — он сглотнул. — Они знают про тебя. Знают, что ты видела Ингу. Знают про тех червей, из-за которых тебя тогда выперли в отпуск. Я выторговал тебе жизнь, Лена. Буквально. В штабе был приказ о ликвидации всех свидетелей, чтобы информация не вышла за пределы участка. Я убедил их, что ты — наш единственный проводник. Теперь ты официально работаешь на ЦРУ под мою ответственность. Если ты сейчас откажешься... я не смогу тебя защитить. Тебя просто сотрут.

Лена стояла у стола, не снимая куртки. В кухонной тишине было слышно только, как в ванной капает кран. Она посмотрела на него, медленно подняла руку и с силой покрутила пальцем у виска.

— Во-первых, ты придурок. Это раз, — начала она тихо, припечатывая каждое слово. — Во-вторых, я не удивлена, что ты от меня что-то скрывал. А чем еще благородному иностранцу в Советском Союзе заниматься, как не шпионить за нами, нищими крестьянами? «Поисковик» сраный, мать твою... Хорошо поискал, ничего не скажешь. Небось, каждый вечер в Лэнгли отчеты строишь о том, сколько водки в местном гастрономе осталось?

Она горько усмехнулась, и этот смехок полоснул Марка сильнее крика.

— Но я удивлена, что ты оказался идиотом в квадрате и так меня подставил. Ты хоть понимаешь, что сделал? После того, что я видела... После этого злобучего расследования про ебучий чай, который оказался инкубатором для дряни... Когда я видела, как этот мешок лопнул, а оттуда эти черви посыпались вместе со слизью... Ты вообще представляешь, как сложно ходить в ГП-5, когда у тебя «ароматы Франции» пробивают фильтр этой чертовой дрянью?

Лена вдруг резко остановилась и прищурилась, глядя Марку прямо в переносицу.

— Кстати, что ты им там про червей написал? Я тебе про червей сказала и про слизь. Всё. Или ты им там уже целую армию монстров расписал, чтобы задницу свою прикрыть? Решил, раз меня работы лишили, так я теперь сказочником подрабатывать буду? Ха-ха, очень смешно. Смотри, Марк, если твои вояки приедут и не найдут того, что ты им в три короба наобещал — они нас первыми и кремируют.

Марк сглотнул, но промолчал. Лена привалилась плечом к косяку, её голос стал еще холоднее.

— Когда меня КГБ трое суток полоскало! И знаешь, что самое смешное? Они вообще не удивились, когда мы их вызвали. Будто у них такая дрянь в каждом втором районе по расписанию. Меня тогда не просто закрыть, меня кремировать хотели живьем! Потому что решили, что я этой дрянью заражена и от меня фонит. Еле выцепилась, а теперь ты меня под британский спецназ подложил? Жаль, у меня табельного сейчас нет, я бы тебя прямо здесь застрелила. Сразу.

Она сделала паузу, давая тишине надавить на него.

— Знаешь, почему я тебя сейчас в окно не выкинула? Ты хоть и скотина нечестная, но ты единственный, кто за дело моего сына взялся всерьез. Другие только деньги драли, а ты помог. Бесплатно помог. И то, что мы у Инги увидели... ту расчлененку в запертой квартире... это нас посильнее любой присяги повязало. Если бы я там сержанту не соврала, если бы дала ему в протокол хоть слово про ту серую труху вписать — нас бы уже вдвоем КГБ под белы ручки приняло. И нас бы просто кремировали тихо, молча, под шумок — в одной печке, чтоб дрова не переводить. Мы оба в этой дряни по локоть, Марк.

Она рывком застегнула куртку. Звук молнии прозвучал как выстрел. Лена сделала шаг к двери, но замерла, взявшись за ручку. Она стояла так пару минут, глядя в пустоту коридора, а потом медленно обернулась. Гнев в её глазах сменился чем-то глубоким и усталым.

— Мой сын... он погиб со своим другом. Не за понюшку табака они там стояли, Марк. Хотя эти придурки в погонах и соврали, где именно они умерли. Я ещё на фабрике поняла, что про смерть моего мальчика умолчали. Спрятали концы. И я бы всё равно до этого докопалась — либо через тебя, либо сама, сдохла бы, но узнала. Так что даже если ты меня под эшафот подставил... всё равно ты мудака, конечно... но мы хоть дело сделаем. Хотя кто-то об этом узнает. Может, твои там наверху что-нибудь и придумают, а не как наши — всё залить бетоном и спрятать под ковёр.

Марк поднял на неё взгляд. В нём больше не было страха — только тяжелое уважение.

— Мы не дадим им это спрятать, Лена. Я обещаю. Твой сын... он не просто цифра в отчёте. Я сделаю так, чтобы это имело значение.

— Посмотрим, — отрезала она. — Тебе нужно к телу Инги попасть? Я попробую в морг прорваться, но ничего не обещаю, там сейчас режим. А пока — мы едем на ту самую чайную фабрику. В «нулевой участок». Там периметр, там оцепление, и там всё началось. Я покажу тебе этот ад изнутри, чтобы ты своим лондонским друзьям не сказки рассказывал, а факты в морду тыкал. По дороге всё расскажу.

Лена подошла к окну и осторожно глянула во двор.

— Имей в виду, мудак... У Комитета дело еще не закрыто, я у них под подпиской, и прошла всего неделя. За мной точно ходят. Только КГБ может нас так пасти, и, скорее всего, «топтуну» уже срисовали твой визит. Оперативника кормят только ноги, так что шевелись, пока нас не приняли раньше твоих спецов.

Марк молча схватил свою сумку.

— Едем, — коротко бросил он, выходя вслед за ней. — Показывай свою фабрику.

Глава 3: Тухлятина из-под ковра

Они вышли из подъезда. Тяжелая металлическая дверь с грохотом захлопнулась за спиной, отсекая остатки домашнего тепла. На улице стоял прохладный майский полдень. Солнце висело высоко, но грело слабо, лишь слепило, отражаясь от луж после ночного дождя. Лена плотнее запахнула куртку — сырой ветер неприятно забирался под воротник. Она остановилась на крыльце, привычно, на чистых рефлексах, мазнула взглядом по сторонам. Она ждала увидеть примелькавшуюся «семерку» у трансформаторной будки или скучающего мужика с газетой на дальней скамейке. Но двор был неестественно, пугающе пуст. Ни старух, ни детей, ни единой живой души в окнах. И главное — ни одного «топтуну» из Комитета, которые последнюю неделю пасли её как привязанную.

— Куда же все, блядь, делись... такие любопытные? — негромко пробормотала она, чувствуя, как по загривку пробежал холодок, никак не связанный с майской прохладой. Город словно вымер или затаился, предчувствуя что-то, от чего даже цепные псы Лубянки предпочли спрятаться в конуру.

— Не нравится мне это, Марк. Тишина такая, что в ушах звенит.

Она быстрым шагом направилась к своему старому, выцветшему «Москвичу-2140». Рванула дверь, которая отозвалась жалобным скрипом, и прыгнула за руль. Марк едва успел пристроить свою сумку на коленях, как мотор надсадно взревел, выплевывая облако сизого дыма. Через минуту машина уже неслась по пустым улицам, выкатываясь на трассу в сторону объекта.

В салоне было зябко, пахло сухой пылью и застоявшимся бензином. Лена гнала, вцепившись в руль так, что побелели костяшки.

— Слушай тогда, мудак, как оно было на самом деле, — начала она, не отводя взгляда от серой ленты дороги. — Началось всё со школьников. Трое пацанов траванились так, что их наизнанку выворачивало. Я у них банки эти изъяла сразу. Потом по адресу поехала — нашла этого Серова-старшего, он в отпуске был. У него на полке — банка индийского, типа «Абракадабра». Тоже забрала. Закинула всё это добро к себе в машину, поехала в отделение... и вот тут меня накрыло.

Она нервно передернула плечами.

— Из мешка с этими банками такой духан пошел — приторно-сладкий, тяжелый, липкий какой-то. Я пока до отделения доехала, чуть не сдохла за рулем. В дежурке потом все нос

воротили, орал, что я тухлятину притащила. Сдала всё эксперту на анализ. А на следующий день он меня в коридоре поймал. Чуть пиздюлей мне не вставил, орал на всё здание: «Лена, ты что за хуйню мне привезла?!». Я сперва вообще не въехала. А он мне в лицо тычет: «Там черви, Лена! В банках живые черви!».

Она прибавила газу, обходя глубокую рытвину.

— Ну, мы и поехали на фабрику. Она официально законсервированная стояла — пустые цеха, ни души. А мы там барыг брать собрались — двое местных дельцов там подпольный склад устроили, паковали этот суррогат и гнали его в другие республики. Кроме них там вообще никого не было. Накрыли мы их прямо на месте. Оперативники ворвались, шум, крики. Эти двое барыг как раз мешок здоровый тащили, спрятать хотели. И тут один из них, сука, видать, почувствовал, что там внутри шевелится. Рванул руку, отпустил край и припустил бежать вглубь цеха. А второй от страха в такой ступор впал, что просто замер на месте с выпученными глазами.

Лена сплюнула в приоткрытое окно. Холодный воздух хлестнул по лицу.

— Мешок из рук выскользнул, грохнулся о бетон и лопнул. И оттуда не заварка посыпалась. Оттуда вывалился этот зараженный чай вместе с НИМИ. Жирные, черные, огромные черви вперемешку с какой-то серой слизью. Они извивались на полу, как будто их током били. Врач наш как увидел это, замерил температуру... Он нас оттуда чуть ли не за шкурки вышвырнул. Орал, чтобы бежали и не оглядывались. Сразу объявил карантин. Повязали только этих двоих, больше там никого не нашли.

Машина надсадно завывала, выходя на финишную прямую к объекту.

— Нас продержали в оцеплении до самого вечера. И вот там я видела то, что до сих пор в кошмарах снится. Этих двоих КГБ сперва в карантин закинул, в изолированное здание. С виду — обычные мужики. А потом они начали орать. Просто орать, Марк, не по-человечески. Я краем глаза видела их в окне: вены на лицах черные, как тушью налитые, глаза стеклянные, пустые. Я тогда значения не придавала — думала, шок или химия какая на мозги давит. Это я уже потом дневник того сослуживца сына прочитала... вот тогда у меня волосы дыбом и встали. Я сопоставила их крики с тем, что пацаны в тетрадках малевали. Про этих червей конкретно. Теперь понимаешь, почему я тебя мудаком зову? Ты нас подставил под то, от чего наши даже костей не оставляют — всё под бетон.

Лена резко затормозила на гребне холма, далеко за линией внешнего оцепления. Она выключила двигатель, и в холодной степной тишине стал слышен далекий, тяжелый гул.

— Приехали. Дальше — пешком, чтобы не срисовали.

Они поднялись к кромке холма. Марк достал мощный бинокль. В окулярах полыхало багровое зарево — на территории фабрики горели огромные костры, густой черный дым грязными полосами марал майское небо. Вояки в тяжелых защитных костюмах скидывали в огонь что-то длинное, извивающееся. Тишину рвали сухие хлопки выстрелов. Марк подкрутил резкость: военная техника стояла вповалку, пара БТРов застыли у проломленных ворот в странном, искореженном состоянии. Солдаты в одном секторе поливали свинцом других — тех, кто выходил из тени ангаров странной, дерганой походкой. Оцепление стреляло по своим. Перестрелка шла прямо внутри периметра. Марк опустил бинокль. Его лицо в резком дневном свете было мертвенно-белым. Он повернулся к Лене, в глазах метался лихорадочный блеск.

— Лена, прикрой меня, — выдохнул он, уже вытаскивая из сумки компактную камеру и стерильный контейнер. — Мне нужно сделать пару кадров с нижней точки и... мне нужны анализы почвы. Хотя бы от самой границы колючки.

— Сдурел? — прошипела она, хватая его за рукав. — Тебя там срежут очередью и не спросят фамилию!

— Это единственный шанс, — он перехватил её взгляд. — Если мои ребята прилетят и не будут знать, с чем имеют дело, они просто сожгут всё вместе с городом. Дай мне пять минут. Если увидишь движение в мою сторону — сигнал, и я назад. Пожалуйста.

Лена сплюнула, выругалась сквозь зубы, но руку разжала.

— Вали, суицидник. Пять минут, Марк. Потом я уезжаю, с тобой или без тебя.

Марк кивнул и, пригнувшись, почти по-пластунски скользнул вниз по склону, скрываясь в высокой траве и складках местности. Лена осталась на гребне, вжимаясь в холодную землю и не сводя глаз с вышек оцепления.

Она видела, как он, словно тень, просочился к самому периметру. Секунды растягивались в часы. Вот он вскинул камеру — несколько быстрых щелчков, почти не слышных из-за далекой канонады. Затем он упал на колено, лихорадочно вскрыл контейнер и зачерпнул горсть серой, припорошенной странным налетом земли прямо из-под нижнего ряда проволоки.

В этот момент со стороны ближайшего ангара полоснула очередь — не в него, просто «в ту сторону», по какому-то движению в тени. Марк замер, вжавшись в грунт, переждал и рванул назад, петляя в траве как заяц.

Когда он, тяжело дыша и перепачканный в рыжей пыли, ввалился на гребень, Лена уже держала руку на ключе зажигания.

— Доволен, аналитик? — бросила она, не глядя на него. — Прыгай в корыто, пока нас не накрыли.

Марк захлопнул дверь, прижимая заветный контейнер к груди как сокровище. Его руки заметно дрожали.

— Поехали. Здесь мы больше ничего не сделаем.

Марк перевел дыхание, судорожно вцепившись в сумку с анализами почвы. Пыль на его лице смешалась с потом, превратившись в грязные разводы.

— Лена, — выдохнул он, глядя в зеркало заднего вида на удаляющееся зарево фабрики.

— Земля — это только полдела. Нам нужно тело Инги. Если там внутри то же самое, что мы видели в тех мешках... Нам нужно подтверждение. Поехали в морг. Ну, типа... это «пройдет»? Или нет?

Лена в голос заржала, чуть не выпустив руль из рук. Старый «Москвич» вильнул на пустой трассе, протестуя скрипнув рессорами.

— «Пройдет»? Ой, не могу, ковбой! — отрезала она, утирая выступившую от смеха слезу.

— У нас говорят: не «пройдет», так «прокатит»! Ты в своих Штатах посмотрелся Джеймса Бонда в гнусавом переводе, там всё красиво: смокинги, мартини... А у нас девяностый на дворе. Тут «прокатывает» только по блату или за «жидкую валюту».

Она коротко, зло хохотнула, переключая передачу.

— Комитетские, когда меня в отпуск из РОВД выпирали, расщедрились, суки. Выплатили отпускные за все сорок пять суток разом — видать, очень хотели, чтобы я из города свалила и не отсвечивала. Сумму дали неплохую по факту, ха-ха, но в нынешних магазинах это просто фантики. Денег вроде пачка, а купить на них можно только кильку в томате, если в очереди не пришибут. На подсосе сижу, короче.

Марк невозмутимо, с чисто американским спокойствием, полез во внутренний карман куртки. Вместо ожидаемых баксов он вытащил увесистую пачку советских «десяток» — новеньких, хрустящих, будто их только что напечатали специально для него. Он протянул их Лене с ехидной ухмылкой.

— Считай, что это твоя первая зарплата от ЦРУ, — произнес он, забавно растягивая слова и стараясь подражать тому самому простуженному голосу из видеосалонов. — Тут с запасом. И на «валюту» для морга, и на нормальный пожрать... без кильки.

Лена на мгновение зависла, глядя на пачку денег в его руке. На эти «премиальные» теперь можно было не просто заправиться, а почувствовать себя королевой бензоколонки.

— Ни хрена себе, агент... — она сгребла купюры и быстро запихала их в карман куртки. — Ладно, убедил. За такое я тебе не только морг, я тебе кабинет начальника РОВД открою. Но в багажнике всё равно пара пузырей «Пшеничной» заначена, по десять двадцать брала — это наш золотой стандарт. Для патологоанатома Паши Гаврилова это надежнее любых бумажек.

Она резко крутанула руль, разворачивая машину. «Москвич» взревел, направляясь обратно к городу.

— Паша — мой старый знакомый. Скажу, что я как подруга приехала, насчет похорон Инги договориться. Родственники у неё далековато, пока доедут — её уже хлоркой зальют и в общую яму спишут как «инфекционную». А я вроде как за близкую сойду. Поговорю с ним по-человечески, смажу шестеренки водкой. Но ты, «мистер Бонд», сиди в машине и не отсвечивай. С твоим акцентом нас обоих быстро в соседние холодильники к Инге определят. Понял?

Лена заглушила мотор в тени старого тополя. Больничный двор казался вымершим, только ветер гонял по асфальту серую пыль и обрывки газет. Она повернулась к Марку, который уже потянулся к своей огромной камере.

— Спрячь свою бандуру, ковбой, — прошипела она, перехватывая его руку. — С этой пушкой тебя даже слепой санитар срисует. Дай мне что-нибудь поменьше, чтобы Гаврилов инфаркт не схватил, если заметит. И тару под анализы давай, второй раз я тебя под пули не пущу, сама полезу, если прижмет.

Марк молча кивнул и выудил из бокового кармана сумки плотные стерильные пакеты и крошечный, почти игрушечный на вид фотоаппарат.

— Олимпус, — коротко пояснил он, вкладывая технику ей в ладонь. — Поместится в карман. Плёнка внутри.

— Вот это дело. Жди здесь, заблокируй двери и не отсвечивай.

Лена вышла из машины, достала из багажника тяжелый сверток с двумя бутылками «Пшеничной» и направилась к серому зданию морга. Внутри пахло хлоркой и

застоявшимся табачным дымом. Паша Гаврилов нашелся в коридоре — он стоял у окна, нервно потирая лицо белым от талька пальцем.

— Паш, — негромко позвала она.

Гаврилов вздрогнул всем телом, едва не выронив окурок.

— Лен? Ты с ума сошла? Тебя же... это... в отпуске ты. Уходи, Лен, по-хорошему прошу.

— Паш, погоди. Я по делу, — она подошла ближе, понизив голос. — К тебе Ингу привезли, подругу мою. Родственники у неё в Тюмени, пока доедут — её уже хлоркой зальют и в общую яму как бесхозную спишут. Хочу на неё взглянуть, насчет похорон договориться, чтобы по-человечески всё было.

— Нельзя, Лен! — Гаврилов затравленно оглянулся на пустую дежурку. — Из Комитета звонили, велено не пущать! Сказали — «особо опасная инфекция», объект под охраной. Если узнают, что я кого-то провел — меня самого на этот стол положат рядом с ней. Лена вздохнула и молча выставила на подоконник первую бутылку. Паша сглотнул. Следом легла вторая. Глухой стук стекла о дерево прозвучал в тишине морга как приговор.

— Обе, Паш. Прямо из заначки, отборная. Больше нет и не будет.

Гаврилов замер. Его взгляд приклеился к этикеткам. Страх перед системой боролся с многолетним инстинктом выживания в эпоху тотального дефицита. Наконец, он дрожащей рукой сгреб обе бутылки и спрятал их под халат.

— Быстро, — выдохнул он, доставая ключи. — Пять минут, не больше. Она во втором холодильнике. Насчет похорон... Лен, забудь. Сказали, выдачи не будет. Спецзахоронение в закрытом гробу, под контролем. Там всё серьезно, Лен. Очень серьезно.

Он открыл тяжелую дверь и отошел в сторону, стараясь не смотреть Лене в глаза. Она нырнула в ледяную темноту зала, сжимая в кармане крошечный «Олимпус».

Лена подошла к тяжелой, лязгнувшей защелкой двери второго холодильника. В лицо ударил не просто холод, а ледяная волна, пропитанная запахом прелой травы и застоявшейся меди. Она помедлила секунду — серная колодка, брошенная кем-то у порога, неприятно царапала ботинок. Лена пнула её в сторону: видеть этот кусок химии, напоминающий о дезинфекции и «особо опасных инфекциях», ей не хотелось.

Она быстро нашла бирку. Семнадцатая секция. Достала из кармана крошечный «Олимпус», который Марк всучил ей в машине. Пальцы действовали на автомате: щелчок, вспышка, перемотка. Она зафиксировала закрытый ящик, а затем, упершись сапогом в станину, с силой потянула ручку на себя.

Металл заскрежетал. Лена приготовилась увидеть то, что навсегда врезалось в память в той душной квартире: разобранное, иссохшее тело подруги, больше похожее на потемневший остов куклы. Она вспомнила, как Инга лежала на ковре — рука в стороне, туловище пустое, будто из него высыпали опилки.

Но ящик был пуст. На холодном оцинкованном дне не было даже тех сухих серых ошметков, в которые Инга превратилась всего за пару дней. Там лежала только горсть рыжей трухи, похожей на высушенный чайный лист. От этой дряни исходил приторно-сладкий, тошнотворный запах — тот самый, что тянул из-за двери квартиры.

— Что за хрень... — прошептала она.

Она быстро достала стерильный пакет, зачерпнула горсть рыжей пыли и спрятала «улов» в карман. Сделала финальный снимок пустого лотка и выскочила в коридор.

— Паш! — рывкнула она так, что Гаврилов подпрыгнул на месте, едва не выронив припрятанную под халатом водку. — Паша, мать твою, где Инга?!

Гаврилов замер.

— Лен, ты чего? Во втором она, в семнадцатом...

— Нет её там, Паша! Пусто! Только рыжая херня на дне рассыпана! — Лена подлетела к нему, хватая за грудки. — На посошок захотел, урод?! Кому тело слил?! Говори, кто приезжал!

У Гаврилова глаза стали по полтора ста рублей. Он выронил бутылки на бетон и бросился в зал. Добравшись до секции, он рывком вытянул ящик и застыл, медленно сползая по стенке на кафель.

— О господи... — прошептал он. — Лен, клянусь... никто не приезжал. Комитетские утром опечатали и уехали. Час назад она здесь была! Я ж заходил... Она лежала здесь! У неё еще скальпель мой в груди торчал...

Он поднял на Лену безумный взгляд.

— Ни скальпеля, ни тела. Только эта рыжая дрянь... Куда она делась, Лен? КТО её забрал?!

В ледяной тишине прозекторской, где Паша Гаврилов всё еще сползал по стенке, раздался звук.

Тюк. Тюк. Тюк.

Сухие, резкие шаги по кафелю. Будто кто-то шел на ходулях из высушенного дерева. Из темного коридора, прямо на звук их голосов, ввалилось ОНО.

Это была Инга. Совершенно голая, с мертвенно-серой кожей, которая обтягивала кости так плотно, что казалось — тронь, и она лопнет со звоном. Тело выглядело как пустой кожаный мешок, внутри которого вместо органов была лишь пустота и рыжая взвесь. Она двигалась дергано, короткими рывками, выгибая суставы под неестественными углами. Лена, действуя на чистых рефлексах, машинально выхватила из кармана крошечный «Олимпус». Бесшумный затвор щелкнул несколько раз. Вспышка на мгновение осветила провалы вместо глаз и застывшую гримасу на лице трупа.

— И-инга?... — сипло выдавил Паша, пытаясь отползти.

Существо остановилось. Его голова со скрипом провернулась к патологоанатому. В следующую секунду челюсть существа неестественно широко распахнулась, и из глубины иссохшей глотки в Гаврилова полетел фонтан мутной, дымящейся жижи.

Паша даже не успел вскрикнуть. Кислота попала ему на грудь и лицо. Раздалось шипение, халат мгновенно обуглился, а кожа под ним начала пузыриться и стекать с костей.

Гаврилов только тихо, надрывно стонал, превращаясь в кровавое месиво прямо на глазах у Лены.

Ужас ледяной иглой прошил мозг. Лена рванула к выходу, но ноги словно приросли к полу. Инга, закончив с Пашей, медленно повернула голову в её сторону.

— Твою мать! — выкрикнула Лена и, не глядя, толкнула тяжелую металлическую каталку, стоявшую рядом.

Каталка на роликах с грохотом полетела в сторону существа. Удар пришелся Инге прямо в корпус, повалив её и прижав к стене. Это дало Лене те самые несколько секунд форы. Она рванула из секционной, едва не поскользнувшись на кафеле, и уже в дверях оглянулась.

Инга не пыталась выбраться. Она просто обхватила металлическую конструкцию своими длинными, сухими руками. На глазах у Лены металл каталки начал размягчаться, деформироваться и буквально всасываться в пустое тело существа. Она поглощала железо без остатка.

Лена вылетела в коридор, пронеслась мимо дежурки и выскочила в соседнее отделение. В голове был полный хаос. Залетев в первый попавшийся кабинет, она схватила трубку телефона и лихорадочно крутанула диск.

— Дежурный РОВД, капитан Сорокин, — отозвался ленивый голос.

— Сорокин, это Лена из отдела! — заорала она в трубку, задыхаясь от паники и озираясь на дверь. — Срочно наряд к моргу! Тут вооруженное нападение, мародёры! Среди белого дня! Пашку Гаврилова завалили, труп похитили!

В трубке повисла пауза, а потом Сорокин хмыкнул:

— Слышь, Ленка, ты там что, ебанутая? Какие еще мародёры в морге? Кому там твои жмурики сдались? Ты там перегрелась в своем отпуске?

— Я тебе сейчас дам «перегрелась»! — Лена сорвалась на крик, вспоминая плавающее лицо Пашки. — Я тебе говорю: человека убили! Групповое, вооруженное! Труп Инги Янги унесли! Шевели батоном, пока они всю секционную не разнесли!

— Ладно, — недовольно буркнул дежурный. — Пришлю патруль, пускай проверят. Но если ты нас просто так сорвала... сама знаешь.

Лена швырнула трубку на рычаг и, не дожидаясь ответа, бросилась прочь из здания.

Лена долетела до «Москвича» со скоростью пьяного Усэйна Болта: ноги заплетались на выбоинах, тело штормило от зашкаливающего адреналина, но инстинкт самосохранения гнал вперед. Она влетела в салон, едва не выломав дверь, и рухнула на сиденье, хрипло хватая ртом воздух. Лицо у неё было цвета мокрого мела.

Марк, который всё это время сидел в машине, вжавшись в кресло, дернулся к ней. Его голос дрожал, он лихорадочно всматривался в её бледное лицо:

— Лена! Что... что там?! Получилось что-нибудь? Ты сделала фото?!

Лена не ответила. Она трясущимися руками вставила ключ в замок зажигания, и с третьего раза мотор надсадно взревел. Она резко выкрутила руль, уводя машину в узкий проезд между хозпостройками, чтобы их не заметил прибывающий патруль. Только когда машина замерла в тени старых деревьев, она коротко прохрипела, не оборачиваясь:

— Сейчас сам всё увидишь... Смотри в оба, ковбой.

В этот момент к моргу, визжа тормозами, подлетела патрульная «канарейка». Из неё выскочили двое сержантов, на ходу расстегивая кобуры. И тут тяжелая дверь морга медленно, со страшным железным стоном, отворилась.

На крыльцо вышла Инга.

Марк, прильнувший к стеклу, издал какой-то нечеловеческий, задушенный звук. Он замер, как парализованный. Он ведь видел её там, в квартире — ту самую сухую, неподвижную

куклу. А теперь это «нечто» стояло в десяти метрах от них, живое и смертоносное. У Марка начался настоящий припадок: руки заходили ходуном, хваленый «Олимпус» застучал о стекло, а лицо исказилось в такой гримасе ужаса, будто он сам уже лежал в том холодильнике. Его буквально колотило крупной дрожью — от макушки до ботинок. — Стой! Стрелять буду! — заорал один из патрульных.

Инга сделала резкий, ломаный рывок. Сержант выстрелил — пуля попала ей в грудь, но вместо крови из раны вырвалось облако рыжей взвеси. Существо в один прыжок преодолело расстояние до УАЗика. Удар кулаком по капоту — и сталь под её рукой смялась, как мокрая бумага, начиная плавиться и всасываться в её серую кожу.

Завязалась бойня. Марк наблюдал за этим, и его глаза, казалось, сейчас выскочат из орбит. Он видел, как пули из ПМ просто вязнут в серой коже существа, как Инга одним ударом крошит сталь УАЗика. Через пару минут всё было кончено. Инга замерла над останками, повела головой и ломаной походкой скрылась в темноте морга.

— Сиди здесь! — рявкнула Лена, вырывая Марка из ступора.

Она выскочила из машины и короткими перебежками рванула к раскуроченному УАЗику. Стараясь не смотреть на то, во что превратились ребята, Лена действовала на автомате: вытянула из кобуры одного сержанта ПМ, забрала запасную обойму у второго. Железо было ледяным и липким.

Забравшись в разбитую кабину, она схватила рацию. Динамик разрывался от голоса Сорокина:

— Сорок второй! Что у вас там?! Стрельба слышна! Ответьте!

Лена зажала кнопку тангенты и начала ритмично, с паузами, вбивать «пустые» нажатия. Короткий сигнал — пауза — два длинных. Она делала это специально, чтобы Сорокин в дежурке однозначно понял: с патрулем беда, связи нет, и нужно срочно высылать подкрепление.

— Сорок второй? Вас не слышно, идет пустая несущая! — голос Сорокина в рации стал срывать на панику. — Прием! У вас рация неисправна? Слышу щелчки! Повторяю, ответьте! Всем постам! Нападение на патруль у морга! Группе усиления — на выезд! Живо!

Лена швырнула рацию на сиденье и бросилась назад к «Москвичу». Влетев в салон, она рванула рычаг передач.

— Ну что, аналитик, — голос её сорвался на хрип, когда машина рванула с места. — Ты всё ещё хочешь продолжения? Или тебе этого «кино» на сегодня хватило?

Марк так и не ответил — он сидел, уставившись в одну точку, а его пальцы всё ещё судорожно сжимали камеру, на которую он так и не решился нажать.

Лена гнала «Москвич» по разбитому асфальту, выжимая из старого движка всё возможное. Её колотило так, что зубы выбивали дробь, а пальцы, казалось, намертво прикипели к ободу руля. Она не смотрела на Марка — боялась, что если отведет взгляд от дороги, то увидит перед глазами плавающее лицо Пашки или то, как Инга «впитывает» в себя металл.

— Фотки есть, ковбой... — прохрипела она, нарушая тяжелую тишину в салоне. — Я нажала, когда эта тварь в секционную ввалилась. Аппарат твой бесшумный, повезло. И рыжую пыль я тебе собрала. Прямо из того ящика, где она лежать должна была.

Навстречу, завывая сиренами, пронеслись две «канарейки» с мигалками. Лена инстинктивно вжала голову в плечи, провожая их взглядом в зеркало заднего вида — подкрепление Сорокина спешило к моргу, где их ждал очень неприятный сюрприз. — Я оттуда выскочила только по чистой случайности, Марк. Потому что под руку железная каталка попалась. Я её в Ингу толкнула, а та... Она её просто растворила к херам собачьим! Всосала в себя, как губка воду. Пашку сожгла какой-то кислотой изо рта, а железо сожрала.

Она нервно хохотнула, пытаясь сбросить это ледяное оцепенение.

— Так что давай, диктуй адрес. Куда дальше? К тебе в конуру или твоих «специалистов» встречать? — она выделила это слово язвительной интонацией. — Дружков твоих, в кавычках. Надо пленку проявить по-быстрому, чтобы твоим лондонским коллегам было на что поглазеть, пока эта «чайная смесь» весь город на молекулы не разобрала. Говори, где у тебя логово, пока нас патрули на запчасти не пустили. Лично я сейчас готова выпить даже ту самую «Пшеничную», которую Пашка в коридоре выронил. Лишь бы руки не тряслись.

Лена мельком глянула на Марка — тот сидел серый, вцепившись в сумку, и всё еще не мог прийти в себя. Она заговорила сама, просто чтобы не слышать собственного бешеного пульса в ушах.

— Слушай, Марк... Если Инга смогла так быстро разобраться с патрулем и буквально разобрать УАЗик на запчасти, то я даже не знаю... По-моему, твои хваленые «спецы» в кавычках тут просто умоются. Она вооруженных ППС-ников в пыль стерла за пару минут. Она нервно хохотнула, резко выкручивая руль, чтобы объехать очередную выбоину.

— Я тебе ещё кое-что забыла сказать. Когда то расследование с чаем прикрыли и нас из карантина выпустили, я в первый день на работу зашла, перед тем как меня в отпуск выставили. Спросила у своих, что с теми тремя школьниками стало, которые тогда первыми этим чаем траванулись. Мне сказали просто: умерли. А третий... третий сбежал. Прямо из палаты. Лежал как обычный пацан, никакой охраны, никто и подумать не мог... А потом — раз, и пустая койка. Объект ликвидирован, и концы в воду.

Лена сжала руль до белизны в костяшках.

— Я ведь к этому пацану на допрос ходила. Пыталась на него насесть, прессинг устроила, чтобы выбить, кому он чай раздал. А он божился, что в той майонезной банке было всё, что он себе отсыпал. На дне там было, всего пара ложек. Если он тогда не врал и в таком состоянии ушел на своих двоих...

Она замолчала на секунду, вглядываясь в пустую дорогу.

— Так вот, ковбой, сдается мне, что Инга тут не одна такая «красивая» бродит. И мне это, мать твою, совсем не нравится. Я теперь начинаю догадываться, почему сегодня топтунов за собой не увидела. Мои топтуны, походку, не просто так с маршрута исчезли. Либо их уже тоже на запчасти разобрали, либо в городе творится что-то настолько хреновое, что им сейчас вообще не до меня. Есть у них дела поважнее, чем за инспектором в отпуске присматривать.

Лена прибавила газу, уводя машину подальше от городских кварталов. Она на мгновение зажмурилась, пытаясь отогнать образ того существа на крыльце морга.

— Только один вопрос покоя не дает, Марк... Эта Инга... Там, внутри, осталось хоть что-нибудь от моей подруги? Или это теперь просто оболочка для чего-то совсем непонятного? Потому что если там вместо мозгов теперь эта рыжая труха, то договариваться нам не с кем. Мы тут все уже покойники, просто еще об этом не знаем.

Интерлюдия: Объект «Школьник». Протокол ликвидации (48 часов до событий в морге)
Место: Жилой массив, сектор «Б». Типовая панельная пятиэтажка.

Группа захвата: Спецподразделение «А» (КГБ СССР).

Основание: Экстренный пересмотр статуса пациента после оперативного выезда на спецобъект. Установлен факт побега из стационара.

В ноль три сорок две подъезд был полностью блокирован. Ещё вчера этот объект числился обычным школьником, отравившимся суррогатным чаем, и лежал в общей палате. Но после того, что оперативная группа КГБ увидела на фабрике, и последующего исчезновения пациента из больницы, статус подростка мгновенно сменили на «Спецобъект высшей категории». Приказ был предельно жестким: найти и уничтожить на месте.

Дверь в подъезд поддалась беззвучно. На первом этаже в воздухе висела бурая взвесь. В свете фонарей было видно, как по стенам ползут тонкие, пульсирующие нити. Подъезд не просто спал — он переваривался. За каждой дверью слышалось одинаковое, синхронное хлюпанье. На третьем этаже из-под щели одной из квартир вывалился комок бурых червей. Они двигались в такт невидимому метроному.

Старший группы вскинул руку, останавливая движение.

— Центр, я Береза. Весь подъезд в биологической активности. Стены пульсируют.

Наблюдаю неизвестную форму жизни. Запрашиваю уточнение задачи.

— Береза, это Центр. Задачу не менять. Найти и уничтожить объект — приоритет номер один. Любые отклонения фиксировать, но не останавливаться. Работайте.

Группа пошла выше. Четвертый этаж.

Дверь вынесли направленным зарядом. Вспышка «Зари» должна была выжечь сетчатку любому живому существу, но свет просто утонул в густом мареве, висевшем в прихожей плотными пластами. Первый номер группы ворвался внутрь и сразу запнулся. Под подошвой тяжелого сапога что-то влажно хлюпнуло. Фонарь выхватил из темноты мать объекта. Женщина лежала прямо у вешалки. От неё осталась только пустая оболочка: иссохшая кожа, обтягивающая кости. Из её открытого рта лениво вываливались жирные бурые черви. Они пульсировали точно в ритм, впитывая остатки биоматериала из линолеума, который под ними уже начал пузыриться.

— Первый, доклад!

— Тут... сухой остаток. Мать — двухсотая. Иду дальше по коридору.

На кухне сидел отец. Он застыл на табурете, сжимая в руке алюминиевую ложку. Его лицо уже превратилось в рыхлую массу, из которой торчали сегментированные усики паразитов. Он был еще жив, но его нервная система уже не принадлежала человеку. Когда боец коснулся его плеча, батя дернулся, и из его пор хлынул бурый газ.

— Газы! Отход! — закричали в коридоре.

В гостиной, на старом ковре, сидел он. Тот самый сбежавший пациент, которого Лена допрашивала в больнице. Теперь он не выглядел больным — он выглядел

переродившимся. Его кожа приобрела свинцовый оттенок, а воздух вокруг него вибрировал от концентрации суперштамма. Это был неизвестный биохимический коктейль, который разъедал штатные фильтры противогазов ГП-7 за считанные секунды. — Огонь на поражение! — скомандовал старший.

Короткие очереди из Стечкиных превратили грудь пацана в решето, но крови не было. Вместо неё из дыр в одежде повалил тот самый бурый пар. Это был суперстан — взвесь, убивающая всё живое на клеточном уровне. Первый ряд группы захвата просто смыло. Металл шлемов начал покрываться ржавчиной и рассыпаться в труху прямо на головах бойцов. Люди падали, раздирая себе горло ногтями, потому что их легкие превращались в кашу из черных червей и слизи. Группа гибла под монотонный стук, доносившийся из каждой квартиры зараженного подъезда.

Школьник встал. Его кости хрустели, перестраиваясь. Он прошел сквозь строй элиты, как сквозь дым. Те, кого он случайно касался, чернели мгновенно. Объект покинул квартиру через балконный проем, оставив после себя семь пустых оболочек в бронежилетах и целый подъезд, ставший единым организмом.

Статус объекта: Не уничтожен. Сбежал. Уровень угрозы: Абсолютный.

Лена заглушила мотор во дворе типовой трехэтажки. Обычное серое здание, облупленная штукатурка, на входе — скромная табличка «Мемориал-Поиск». Она вывалилась из машины первой, чувствуя, как адреналин сменяется противной липкой слабостью. Ладони были густо измазаны в бурой жиже — крови тех патрульных у больницы. Лена попыталась вытереть руки о джинсы, но только размазала грязь, оставляя на ткани жуткие ржавые полосы.

Марк выбрался следом, пошатываясь. Лицо — как мел, правое веко бьется в рваном, судорожном тике. Он мертвой хваткой вцепился в свою сумку, где лежал весь их сегодняшний улов: и пробы, и камера, и та самая рыжая дрянь.

Тяжелая дверь офиса открылась, и на порог вышла Сара. В своем безупречном светлом костюме, с чашкой дымящегося кофе, она выглядела пугающе нормальной.

— О господи... — Сара замерла, и кофе плеснул ей на туфли. — Марк? Лена? Что с вами произошло? Вы выглядите... ужасно.

Она сделала шаг к ним, но, разглядев окровавленные руки Лены и ствол, торчащий у той за поясом, вскрикнула и попятилась.

— Лена! Твои руки... у тебя кровь! Я сейчас вызову врача, я позвоню...

— Закрой рот, Сара! — рявкнула Лена, перехватывая её за плечо и затакивая внутрь. — Никаких звонков. Хочешь жить — делай, что скажу. Кроме нас здесь никого нет, так что рассчитывать не на кого.

— Но Марк... Твое лицо! — Сара почти сорвалась на крик, глядя на перекошенное лицо Марка. — От вас пахнет горелым металлом и... болотом!

Марк прошел мимо неё, не поворачивая головы. Он двигался как заведенный механизм, глядя в одну точку. Его не интересовали ни Сара, ни её кофе. В голове пульсировало только одно: сумку — в лабу, остальное потом.

Внезапно над серыми крышами оживила сирена. Тяжелый, низкий вой С-40 на крыше сельсовета ударил по ушам, заставляя вибрировать стекла в рамах. Это был звук задраиваемого люка.

— Внутри есть кто? — Лена с грохотом вогнала засов в пазы, отсекая их от притихшего города.

— Никого... только я... все на обеде... — Сара прижала руки к груди, её начало мелко трясти. В наступившей после первого витка сирены тишине отчетливо прорезался хрип уличных репродукторов. Старые советские «колокольчики» на столбах захлебнулись статикой, а потом выдали сухой голос дежурного:

— Внимание! Говорит оперативный штаб гражданской обороны. Граждане! В связи с резким ухудшением эпидемиологической обстановки и угрозой распространения опасной инфекции, приказом номер один в городе вводится режим полной изоляции. Карантин! Лена видела через окно, как по пустой дороге пронесся УАЗик. Из окна высунулся мегафон, и сорванный ор перекрыл запись:

— Свалили с улиц! Живо по домам! Стрелять будем!

— Слышишь? — Лена обернулась к двери лаборатории. — Нас упаковали. Окна закрыть, тряпками заткнуть, сидеть и ждать. Они объявили «Кварц». Нас списали в расход вместе с этой дрянью.

Марк ничего не ответил. Из лаборатории донесся лязг затвора — он вогнал магазин в автомат. В этой тишине звук металла прозвучал как точка.

На перекрестке Саня, коллега Лены из отдела, натянув «лепесток», вытаскивал из багажника колючую проволоку. Серая взвесь из подвалов уже осела на его сапогах. Город официально стал очагом.

Лена отошла от окна и направилась к раковине. Она включила воду, плеснула туда спирта из принесенной Сарой бутылки и начала остервенело оттирать ладони. Бурая жижа нехотя смывалась, забиваясь в мелкие порезы и под ногти. Лена терла кожу до тех пор, пока она не покраснела и не запекла от спирта. Смыв последнюю грязь, она вытерла руки жестким полотенцем и снова перехватила ПМ.

— Марк, работай, — бросила она в сторону коридора. — Времени у нас в обрез.

Она снова глянула на Сару, которая так и стояла столбом посреди холла.

— Хватит реветь. Иди запри заднюю дверь на все засовы. И если услышишь, что в неё скребутся — не вздумай открывать, даже если будут звать по имени.

Сара, всхлипнув, побрела выполнять. Лена осталась в коридоре, прислушиваясь к тому, как за окнами Малый Острог окончательно превращался в мертвую зону. Из лаборатории донесся плеск растворов. Марк начал проявку.

Марк вышел из лаборатории, вытирая руки бумажным полотенцем. Лицо у него было серое, а взгляд совсем пустой. Тик на веке не прекратился, но стал каким-то механическим.

— Лена, — глухо позвал он. — Всё выставил. Проявляется. Смотреть не стал... мне того, что у морга увидел, хватило. Снимки сами скажут, если там есть чему проявляться. Он тяжело оперся о косяк, переводя взгляд на Сару, которую всё еще колотило в углу холла.

— Линии мертвы, но наши должны быть здесь через пару часов, если успеют проскочить до полной блокировки. Иди приляг, отдохни пока. Тебе силы понадобятся.

Лена молча кивнула. Она чувствовала, как одежда липнет к телу, напоминая о липкой дряни в больничном коридоре. Она повернулась к Саре и смерила её коротким взглядом.

— Сара, костюм у тебя, конечно, красивый, — процедила Лена, — и всё такое. Но если хочешь выжить, когда тут начнется настоящая заваруха, иди переоденься. Найди что-нибудь поудобнее, штаны и кеды, если есть. Чтобы не на каблуках.

Сара часто закивала, пытаясь унять дрожь в руках.

— Послушай меня, — Лена чеканила слова, не давая американке впасть в окончательную истерику. — Скоро здесь появится группа. Наши люди. Если увидишь в холле кого-то постороннего — не смей высовываться.

Она подтолкнула Сару в сторону дальнего кабинета, в самую глубь коридора.

— Иди, сиди там. В холле не светись. Если услышишь шум — сиди тише воды. Пока я не позову, носа не показывай. Поняла?

Сара скрылась в кабинете, и Лена услышала, как там щелкнул замок. Она осталась в коридоре с Марком. Тишина в офисе теперь давила сильнее, чем завывание сирены снаружи. Где-то в глубине лабы мерно капал фиксаж, отсчитывая время до приезда группы и до того момента, когда снимки из морга станут фактом.

— Слушай, Марк... я могу где-нибудь пристроиться? — она кивнула в сторону кабинетов.

— С ног валюсь.

— Иди в конференц-зал, — Марк указал рукой на двойные двери в конце коридора. — Там диван мягкий, никто не беспокоит. Иди, отдохни пока. Тебе силы понадобятся.

Лена, едва волоча ноги, дошла до зала. Она рухнула на кожаный диван, даже не снимая ботинок. Сон накрыл её мгновенно — тяжелый, черный, без сновидений. Она провалилась в него на добрых семь часов, пока мир снаружи окончательно переставал существовать.

СОН

Лена плыла в вязком, сером мареве. Воздух во сне был тяжелым, наэлектризованным, с резким привкусом меди. Сознание работало странно: она не просто видела картинку, она физически ощущала вибрацию каждого выстрела, будто удары приходились ей прямо в грудную клетку.

Картина сна: Сентябрь 1989-го. Неизвестный объект, затерянный в степях. Город задыхается в бурой, едкой пыли. Лена видит своего сына и Вадима. Они стоят в тесном кольце, спина к спине, у подножия какой-то бетонной эстакады.

Они ведут огонь короткими, экономными очередями. Вокруг — сплошное шевеление в тени, мертвяки лезут валом, бесшумные и неотвратимые. Рядом с сыном радист, судорожно вжимая гарнитуру в ухо, орет в пустоту, перекрывая грохот выстрелов:

— «Зенит», ответь! Запрашиваю поддержку с воздуха! Птичек на квадрат, срочно! Нас зажали!

В радиии трещит, хрипит, а потом прорывается голос — сухой, безжизненный:

— «Сокол», забудь. Птичек больше нет. Группа сбита на подлёте. Ближайшей возможности не будет. Повторяю: поддержки не будет. Держитесь сами.

Лена видела, как сын на мгновение замер. Не от страха — от смертельной, выматывающей усталости. Он поправил каску, коротко глянул на Вадима и снова вскинул автомат. Они остались одни. В этой реальности сна Лена стояла в шаге от них, видела каждую царапину, каждую каплю пота на их лицах, но была лишь бесплотной тенью. Она хотела закричать, броситься вперед, закрыть их собой от того, что сейчас выйдет из темноты, но могла только смотреть.

Малый Острог. Май 1990.

Лена подорвалась с дивана в офисе Марка так, будто её ударило током. Воздух со свистом ворвался в легкие, выжигая остатки сна. Лицо было мокрым от холодного пота, смешанного со слезами, которые она даже не заметила.

Внутри всё выло от первобытного, ледяного ужаса. Руки тряслись так сильно, что она судорожно вцепилась в обивку дивана, пытаясь нащупать реальность. Сердце колотило в ребра с такой силой, что казалось, оно вот-вот лопнет. Стены офиса плыли перед глазами, а в ушах всё еще стоял этот сухой голос из рации: «Ближайшей возможности не будет».

Лена просидела в прострации, вперившись взглядом в одну точку на стене. Тяжесть в затылке не проходила. Она медленно поднялась, чувствуя каждый сустав, и вышла в коридор. Офис встретил её мертвой тишиной. Марка она нашла в его кабинете — он отключился прямо за столом, уронив голову на скрещенные руки.

Лена тронула его за плечо. Марк вздрогнул, резко выпрямился и несколько секунд дико озирался, прежде чем сфокусировать взгляд.

— Марк... — голос Лены звучал хрипло. — Кто-нибудь приходил? Группа... хоть кто-то прорвался?

Марк потер лицо ладонями, глянул на наручные часы, потом на дверь.

— Никого, Лена. Я до пяти утра сидел, ждал у окна... тишина полная. Ни машин, ни вертушек. Похоже, трассу прикрыли наглухо. Я сам не заметил, как вырубился прямо тут. Лена замерла. Сон и слова из рации наложились на эту пустую реальность. Это был уже не просто кошмар, это было гребаное пророчество.

— Значит, сами... — тихо произнесла она. — Опять сами. Нас списали, Марк. Поддержки не будет, понимаешь?

Она стояла посреди комнаты в легком шоке, осознавая, что время ожидания помощи официально закончилось. Теперь у них были только они сами.

— Раз наши не прошли, ждём ещё сутки, — Марк тяжело опустился на стул, не сводя глаз с закрытой двери лаборатории. — Если за это время никто не прорвётся — значит, коридор окончательно схлопнулся. Будем выходить сами.

Лена ехидно искривила губы, прислонившись к косяку.

— Сами? Как бы не было поздно к тому моменту. И жрать мы что будем? Твоя первая зарплата, Марк, тут уже вряд ли пригодится, разве что печку ей топить.

Марк даже не обиделся, только устало махнул рукой.

— Не каркай. Тут всё продумано. Запас зарезервирован на две недели, если на троих делить. Консервы, вода, медицина. Даже оружие есть, простенькое, по мелочи, но стреляет. Нас тут вообще-то семеро должно было сидеть по штату, так что с голоду не опухнем.

Лена молча кивнула. Сутки — срок понятный. Она кивнула в сторону кабинета, где заперлась американка.

— Слушай, а Сара эта твоя... она тоже из ЦРУшников?

Марк внезапно коротко хохотнул, и эта усмешка вышла какой-то горькой.

— Да какое там ЦРУ... Обычная студентка. У нас в Штатах, понимаешь, система образования не такая, как ваша бесплатная. У нас это бизнес. Чтобы учиться в нормальном месте, люди берут огромные кредиты в банке под проценты. У Сары там целая катастрофа, долги по горло.

Лена оттолкнулась от косяка, вскинув брови.

— Кредит на учёбу? Что за бред, Марк? Платить за то, чтобы тебя учили?

— Вот так, — Марк развел руками. — Она в университете хвостов нахватала, прогуливала много, вот и подписалась на эту авантюру, чтобы правительство её долг за обучение закрыло. Она же даже не в курсе, с какой стороны пистолет держать. Ей и двадцати нет, работает тут секретаршей, бумажки перекладывает. Чистый человек, белый... не то что я. Лена мотнула головой, переваривая услышанное. Дикость какая-то — лезть в пекло из-за долгов за учебники. Она молча прошла по коридору к комнате, где спала Сара. Осторожно приоткрыв дверь, она увидела, как та свернулась калачиком на узком диване.

Лена подошла ближе. В слабом свете из окна Сара казалась совсем маленькой. Лена замерла, вглядываясь в её лицо. Она-то думала, американка постарше, что понимает уже что-то в этой жизни, а тут — ровесница её погибшего сына. Почти один в один. Та же беззащитность в позе, те же едва заметные тени под глазами.

Лена медленно сняла свою куртку и накрыла ею девчонку, аккуратно подткнув края. В горле встал комок. Оказалось, что перед ней не заморский специалист, а такой же ребёнок, которого система бросила в мясорубку.

Вернувшись в холл, она поймала взгляд Марка. Идти в лабораторию и разглядывать свежие снимки не хотелось обоим. Лене по горло хватило того, что она видела в морге, а Марку — того месива, что осталось от патрульных на улице.

— Пускай спит, — коротко бросила она. — Сами разберемся. До завтра всё равно ничего не изменится.

Шестой час утра. Рассвет в Малом Острого занимался неохотно, просачиваясь сквозь щели плотных штор мутным серым киселем. Город за окном вымер — ни звука мотора, ни лая собак, только тяжелая, ватная тишина «Кварца». Сара еще спала в кабинете, и в пустом холле офиса каждый шорох отдавался в ушах, как выстрел.

Лена и Марк просидели за столом несколько часов. Разговор был долгий, тяжелый — вспоминали детали в морге, прикидывали шансы. От этого бесконечного сидения спина у Лены превратилась в сплошной затекший узел, а шея ныла так, будто на ней катали чугунные ядра. Она поднялась, с хрустом потянулась и почувствовала, как пустой желудок скрутило злым спазмом.

— Ну что, American boy? — голос у Лены был как наждак. — Раз поддержки не будет, пошли склад твой потрошить. Время убить надо, да и жрать хочется так, что я сейчас твой «Мемориал» вместе с мебелью грызть начну. Если там в заначке только анкеты, я в это пекло с тобой больше не сунусь.

Марк молча поднялся и кивнул на стальную дверь подвала. Внизу пахло холодным металлом и чем-то стерильно-химическим. Когда он сорвал пломбу с тяжелого серого короба, Лена просто замерла. Она, привыкшая к пустым полкам гастрономов, невольно шагнула ближе. Внутри всё было уложено с такой плотностью, будто это были детали секретного прибора.

— Это — MRE. Еда, — Марк выложил плотный коричневый пакет. — Сама греется. Плеснула воды в химический пакет внутри — и через пять минут у тебя горячее мясо. Лена недоверчиво хмыкнула:

— Без костра? Магия какая-то. Как она греется?

— Сейчас увидишь.

Марк плеснул внутрь каплю воды. Через секунду пакет зашипел, раздулся, и от него повалил густой белый пар. Лена инстинктивно отпрянула.

— Ого... — выдохнула она, глядя на бурлящий пластик. — Оно реально кипит! Марк, у вас там что, карманные вулканы продают?

Марк спокойно отложил паек и полез глубже в ящик.

— Это батончики «Нооah!». Армейская энергия. Сгрызла один — и можешь сутки бегать.

Лена подцепила один. Блестящая фольга, яркие буквы. В Остроге за такую обертку пацаны бы в драку полезли, а тут — горы. Она молча сунула пару штук в карман.

— А теперь смотри сюда, — Марк достал черный матерчатый сверток. — Бронежилет «Second Chance». Легкий, кевларовый. Под рубашкой не видно, а пулю из твоего ПМ удержит. Надень.

Лена примерила жилет. Тонкий, почти невесомый по сравнению с армейскими «панцирями», он лег на плечи как вторая кожа.

— И это защищает? — удивилась она, поправляя липучки.

Марк не ответил, он уже вытаскивал из чехла странный прибор с двумя окулярами.

— Монокуляр ночного видения. Надень на голову.

Лена нацепила ремни. Марк щелкнул тумблером.

— Мать твоего... — она едва не осела на пол. Подвал, до этого тонувший в полумраке, залило ярко-зеленым фосфорным светом. Она видела каждую трещинку на бетоне, каждую пылинку. — Я всё вижу... Как днем, только зеленое. Вы что, боги, что ли?

— Мы просто лучше подготовились, — Марк достал из чехла на поясе блестящий складной инструмент. — Мультируль «Leatherman». Тут и нож, и пассатижи, и отвертки.

Один этот предмет заменяет целый ящик с инструментами.

Лена взяла тяжелый холодный металл. Раскрыла пассатижи, попробовала ход — идеально. Она смотрела на всё это богатство, и в голове не укладывалось, как в одном подвале может поместиться столько того, чего не достать во всей области.

— Гемостатик, турникеты, еда из воздуха, глаза в темноте... — прошептала она, пробуя слово на вкус. — Это же сколько людей можно было спасти...

Марк тем временем выложил на верстак тяжелый пистолет. Матовый, вороненый, он внушал уважение одним своим видом.

— Кольт 1911. Сорок пятый калибр. Если попадешь в эту тварь — она уже не встанет. Посмотри боеприпасы.

Он вскрыл картонную коробку: тяжелые пули с тупыми носами тускло блеснули в свете лампы. Лена взяла одну — патрон весил раза в два больше, чем её «макаровский». Она понимала: против того, что они видели в морге, её табельный ПМ — просто пугач. Затем Марк ловко собрал карабин Colt SR-47, вогнав в него рыжий рожок от Калашникова. Сухой, хищный лязг затвора заставил Лену вздрогнуть.

— Точно поеду, — выдохнула она, чувствуя, как в груди поселяется холодная решимость.

— С таким «хозмагом» мы далеко уйдем. Давай, забирай свой горячий пакет. Пора завтракать, а потом решим, как нам из этого города покойников живыми выбраться. Они поднялись наверх и сели за стол. Пакет с едой обжигал пальцы, наполняя холл запахом тушеного мяса — запахом, который в этом вымершем городе казался абсолютно нереальным.

Восьмой час утра. Майское солнце уже вовсю по-хозяйски лупило в окна офиса, пробиваясь сквозь щели плотных штор и расчерчивая запыленный пол яркими, почти болезненными полосами. В этом беспощадном свете всё выглядело слишком четко: и жирные пятна на вскрытых пакетах MRE, и холодный, хищный блеск вороненой стали на столе.

Лена и Марк только закончили перетаскивать часть запасов из подвала наверх. Чтобы не бегать каждый раз вниз, они заставили угол холла коробками с маркировкой «USAID»: сухпайки, фильтры для воды, горы батареек и те самые черные кейсы с «железом». Лена, чувствуя непривычную тяжесть кевларового жилета под курткой, поднялась из-за стола. Спина после разгрузки отозвалась сухим хрустом. Она кивнула Марку на закрытую дверь кабинета:

— Пойду нашу спящую красавицу тормошить. Пора ей в реальность возвращаться, а то проспит всё самое веселое.

Лена зашла в кабинет и без лишних церемоний тряхнула Сару за плечо. Та вскочила не сразу, долго терла глаза, не понимая, где находится. Последнее, что она помнила — это как вчера вечером встретила их у порога: Лену с руками в крови и Марка с таким лицом, будто он заглянул в ад. Когда они вышли в холл, Сара замерла на пороге, и её лицо мгновенно стало белым, как мел.

Челюсть у американки буквально отвисла, а глаза стали круглыми и дикими, когда она увидела на столе разобранные карабины, тяжелый Кольт и странные приборы.

— What is this?! — взвизгнула Сара, переводя безумный взгляд с Лены на Марка. — Откуда это?! Марк, зачем тебе пушки?! Это... это военный переворот?! Вы сумасшедшие! Вы реально сумасшедшие! Вы КГБ?!

Она заметалась по комнате, вцепившись в свои светлые волосы, и вдруг рванула к выходной двери. Лена среагировала мгновенно: перехватила её за плечо, крутанула и прижала к стене. Сара билась в её руках, а Лена уже тянулась за свернутой в рулон старой газетой.

— А ну приди в себя, дура! — Лена с оттяжкой влепила Саре бумажным рулоном по макушке. Раз, другой. — Дыши, я тебе говорю! Смотри на меня!

Сара икнула, замерла и медленно осела на пол. Лена выдохнула, поправила куртку и кивнула Марку в сторону лаборатории:

— Марк, покажи ей фото. Те, где на меня Инга в морге бросилась. Пусть посмотрит, от чего мы вчера бежали.

Марк замер, его лицо дернулось. Он посмотрел на Лену как на безумную.

— Ты что? — Марк нервно потер висок. — У меня до сих пор глаз дергается, как вспомню, в каком виде я вчера Ингу возле морга увидел. А ты хочешь, чтобы я ей фотки из самой секционной показал? Она же с ума сойдет!

Сара сидела на полу, переводя выпученные глаза с одного на другого.

— О чем вы... какая Инга?! Что вы несете?! Вы маньяки! — снова закричала она, вжимаясь в стену.

— Зайти — зайдет, — отрезала Лена. — Но ей знать надо, что происходит. Иначе она так и будет думать, что мы тут революцию затеяли, а не шкуру свою спасаем. Дай ей сперва успокоительного из твоего ящика, а то у неё вообще крыша поедет от увиденного.

Марк нехотя поднялся, всучил Саре таблетку и, дождавшись, пока та её проглотит, повел девушку в глубину офиса. Лена осталась в холле, разглядывая «железо» на столе.

Вчерашние кадры в морге она пересматривать не собиралась — хватило по горло. Через минуту из каморки донесся короткий, пронзительный вскрик.

Марк вывел Сару обратно почти под руки. Она была бледнее смерти, ноги подкашивались.

— Эффект был даже мощнее, чем когда я сам это увидел вчера вживую, — бросил Марк, усаживая её на стул. — Она увидела Ингу... то, во что та превратилась в прыжке.

Лена невесело хмыкнула, глядя на полную прострацию американки.

— Ну теперь-то понимаешь, Сара, почему мы тебя здесь держим? Мы не сумасшедшие и не решили в моей стране переворот замутить. Мы просто единственные, кто видел, во что превращаются люди после этой дряни.

Лена пододвинула к ней горячий пакет с тушенкой.

— Ешь давай. Пока ты в шоке, хоть калории в тебя загоним. Нам сегодня еще целый день тут куковать.

Она повернулась к Марку, который уже начал методично собирать свой карабин.

— Слушай, American boy. Займись делом. Попробуй своей техникой до спецгруппы достучаться, которую вам в помощь обещали. Вдруг они где-то рядом в пригороде застряли? Пробей радиообстановку, свяжись со своим начальством, если твои железки позволяют. Нам нужно знать, идет к нам кто-то или мы здесь сами по себе.

Марк кивнул, подошел к столу с электроникой, щурясь от бьющего в окна яркого солнца.

— Глушилки работают плотно, но у этих «Моторол» есть закрытые каналы. Если получится выбросить сигнал через ретранслятор, попробую выйти на связь.

Лена встала у окна, проверяя свой ПМ.

— Давай, Марк, шурши волнами. А я, как чуть потише станет, попробую к своим разведку сделать. Нужно узнать, что в отделе творится. Сидеть и ждать, пока эта дрянь за нами придет, я не собираюсь.

Марк щелкнул тумблером, и холл наполнился сухим шипением белого шума. Сара механически жевала еду, глядя в солнечный столб пыли, а офис «Мемориала» окончательно превратился в крошечный остров связи посреди молчащего, залитого беспощадным светом океана Малого Острога.

Девятый час утра. Майское солнце уже не просто расчерчивало пол, а плавало воздух в офисе, превращая его в душную консервную банку с густым запахом оружейного масла и разогретых пайков. Лена затянула ремни кевларового жилета под курткой, чувствуя, как по спине уже катится первая струйка пота. Спина после утренней разгрузки ящиков из подвала отозвалась глухим, сухим хрустом.

Она методично пересчитала патроны в запасных магазинах ПМ, когда Марк, копавшийся в углу с гуманитаркой, выудил оттуда плотный черный чехол.

— На, оцени, — буркнул он, резко рванув молнию.

Лена ожидала увидеть очередную рацию, но Марк одним коротким, отточенным движением разложил перед ней раму массивного черного велосипеда. Широкие шины со злым протектором тихо щелкнули, фиксируясь в пазах.

— Лисапед? — Лена скептически выгнула бровь, глядя на этот матовый агрегат. — Ты серьезно, American boy? Хочешь, чтобы я на этом «орленке» от патрулей по Острогу удирала? У нас почтальоны на таких за пенсией ездят. Мой «Москвич» и то солиднее выглядит, хоть и чихает через раз.

Марк выпрямился и серьезно посмотрел ей в глаза.

— Забудь про «Москвич», Лена. Оставь его здесь как резерв на крайний случай. Если через сутки помощь не придет, он нам понадобится, чтобы рвать из города, забив багажник до отказа. Я его уже перегнал в наш служебный гараж, от греха подальше. А сейчас... сейчас в центре заваруха. Топливо — дефицит, колонки мертвые, а сливать его из чужих баков под пулями у тебя времени не будет.

Он сделал паузу и криво усмехнулся:

— И главное, Лена... Если с твоим «космичем» по дороге случится что-то серьезное — мы его банально не починим. Ты — механик, а я — нет. Я в ваших железках вообще не рублю. Так что не рискуй единственными колесами.

Лена коротко качнула головой, признавая его правоту. В этом он был прав: если мотор заглохнет посреди мертвого квартала, американец ей ничем не поможет.

— Это горный десантный байк Montague, — продолжил Марк, демонстрируя механизм сложения. — Складывается за тридцать секунд. Если прижмут — просто прыгиваешь на ходу, подхватываешь под мышку и ныряешь в любой двор или через забор. Острог маленький, тебе этого транспорта хватит за глаза. Главное — он идет бесшумно. Мы еще не знаем точно, на что реагируют эти... твари, но тишина сейчас наш лучший союзник. Лена подошла ближе, тронула пальцем рычажки переключения скоростей. В её мире велосипед был тяжелым стальным «Уралом», а этот инструмент выглядел так, будто его спроектировали для тихой разведки в аду.

— Ладно, убедил, — выдохнула она, проверяя, как сидит нож за голенищем сапога. — Если он поможет мне докатиться до отдела и не поднять на уши весь город, то пускай будет твой «Монтегю».

Она закончила паковать сумку: запасные обоймы, фляга с водой и пара американских батончиков. Пока она подтягивала снаряжение, Марк вернулся к своей аппаратуре. Холл наполнило сухое шипение. Он медленно вращал ручку «Моторолы», вгрызаясь в белый шум гражданских частот.

— Ну что там в твоей шарманке? — Лена закинула сумку на плечо.

— Глухо. Армейские частоты молчат. Только на каналах гражданской обороны каша. Слышу обрывки докладов патрулей... Паника, Лена. Орут про перестрелки, кто-то бросает посты. Спецгруппа на связь так и не вышла.

Шипение радиостанции в тишине офиса ложилось на мертвый город. Вдруг Марк замер, вглядываясь в окно через щель в шторах.

— Look... — он указал пальцем куда-то в сторону старой застройки.

Там, в паре кварталов, над крышами пятиэтажек медленно поднялось облако рыжей пыли. Без звука взрыва — просто секция дома плавно осела внутрь себя, как будто из нее вынули кости.

— Слизь... — прошептала Лена. — Она фундаменты подтачивает.

Она решительно перехватила руль велосипеда и направилась к выходу.

— Всё, я пошла. Если через три часа не вернусь — значит, в отделе тоже всё посыпалось. Следи за Сарой и не выключай радио.

Лена выкатила черный байк в тенистый коридор, готовясь сделать первый шаг в пустой, залитый безжалостным светом «Кварца» город.

INTERLUDIO: Те, кто не доехал

Саня вколотил последний костыль в асфальт и выпрямился, вытирая пот. Сирена на мгновение смолкла, и в наступившей ватной тишине со стороны восточного въезда раздался скрежет. Это не был звук работающего мотора — скорее, звук железа, которое тащат по бетону.

Из-за угла медленно выкатилась БМП. Саня замер, выронив моток проволоки. Он ждал армейского усиления, ждал четких приказов, но то, что он увидел, не укладывалось в устав.

Машина двигалась по инерции, под уклон. Ее броня выглядела так, будто по ней прошли гигантским паяльником: сталь местами оплавилась, пошла пузырями и была испещрена рваными дырами с неровными, изъеденными краями. Ствол пушки был неестественно выгнут вверх, словно его скрутили голыми руками.

— Мать твою... — прошептал напарник Сани, пятясь к УАЗу.

Машина ткнулась носом в бетонный блок и заглохла. Из открытого десантного люка потянуло тяжелым, густым запахом мертвечины и чем-то едким, от чего сразу заслезились глаза. Саня, пересиливая тошноту, сделал шаг вперед.

Внутри десантного отделения вповалку лежали бойцы в ОЗК. Но спецкостюмы им не помогли. Прорезиненная ткань была превращена в лохмотья, прожжена насквозь вместе с телом. Саня увидел руку одного из солдат — вернее то, что от нее осталось: кость, облепленная серо-зеленой кашей, и остатки формы, приваренные к мясу. Лица тех, кто сидел ближе к люку, представляли собой сплошной ожог, будто на них плеснули концентрированной кислотой, которая продолжала медленно доедать челюстные кости.

Один из вояк, зажатый между сиденьями, был еще жив. Его пальцы судорожно скребли по оплавленному борту, оставляя кровавые дорожки на рыжем налете слизи. Он не звал на помощь — из-под поврежденной маски противогаза доносился только булькающий хрип.

— Они их прямо в броне заживо... — Саня не договорил, его вывернуло наизнанку прямо на ограждение.

Армии в городе не было. То, что пытались прорваться на помощь Острогу, превратилось в груды дымящегося лома еще на подступах. «Кварц» больше не казался защитой. Саня понял: те, кто выставил оцепление снаружи, не город защищают от инфекции. Они заперли здесь тех, кто обречен, чтобы эта «кислота» не выплеснулась дальше. Он посмотрел на свою ладонь в пыли. Пыль больше не казалась просто грязью. Это были споры. И они уже были на нем.

глава 4 Песчаный замок

Лена выкатила «Монтегю» из-под навеса. Матовый черный скелет велосипеда в утреннем свете выглядел чужеродно, как деталь стелс-истребителя, заброшенная в советский двор. Она поправила лямку тяжелой сумки, проверила нож за голенищем и натянула маску. Марк упаковал её по высшему разряду: современные фильтры почти не затрудняли дыхание, но мир через панорамное стекло стал казаться еще более отстраненным и мертвым.

Одиннадцатый час утра. Солнце висело высоко, но его свет едва пробивался сквозь плотную, красно-бурую взвесь, зависшую над Острогом. Это не был обычный смог. Воздух наполнился мелкой, липкой пылью цвета запекшейся крови. Она висела неподвижным слоем, скрывая верхушки пятиэтажек и превращая улицы в бесконечные ржавые коридоры. Только шелест широких шин по слою этой пыли нарушал ватную тишину. Она притормозила у административного перекрестка. Вчера здесь еще пытались держать фасад порядка, а сегодня это была зона отчуждения. Поперек дороги тянулись неровные ряды «колючки», а посередине замер пустой милицейский УАЗ с распахнутыми дверями. Лена медленно поехала ближе. Даже через фильтры пробивался этот тяжелый, сладковато-кислый дух — смесь разложения и какой-то ядовитой химии, которую выдыхала красно-бурая мгла. Возле УАЗика она увидела последствия дежурства патрульных: прожженные костюмы ОЗК, из которых вытекала серо-зеленая каша. Чуть впереди, уткнувшись в блок, стояла оплавленная БМП. Ее броня пошла пузырями, а ствол пушки был вывернут под неестественным углом.

Лена бросила велосипед и, перехватив Кольт, быстро обшарила технику. В БМП она нашла две аптечки АИ-2 и перевязочные пакеты, а в УАЗике наткнулась на запасные рожки к АК в солидоле и целую пачку «Беломора». Всё это перекочевало в её сумку к штатному снаряжению.

Она коснулась гарнитуры рации.

— Марк, ты на связи? — голос в маске звучал глухо.

— Да, я тут. Что видишь? — отозвался он.

— Пиздец я вижу, Марк. Полный. Я на административном перекрестке... Тут всё, забудь про блокпосты. Стоит БМП, броня просто в кашу поплыла, будто ее в кислоте искупали. И патрульные... от них одни костюмы остались, внутри просто жижа. Слышишь? Тут никого живого нет, только эта красно-бурая дрянь в воздухе, дышать нечем.

— Fucking hell, Лена... — в голосе Марка прорезалось неприкрытое отчаяние, перемешанное с лихорадочной серьезностью. — Слушай меня внимательно. Если всё так, как ты описываешь, и если я правильно помню то, что было в тетради... Лена, ни в

кчем случае, ты слышишь? Ни в чем случае ничего не бери из еды в домах или магазинах! Никакой воды из крана, никаких вскрытых продуктов. Если ты помнишь ту тетрадь, ты понимаешь, о чем я. Эта дрянь уже в системе снабжения. Жри только то, что я тебе запаковал, и пей только из своей фляги. Маску не снимай, даже если будет казаться, что воздух чистый. Это не смог, это смерть распыленная. Ты поняла?

— Поняла я, Марк, не ори, — Лена сглотнула вязкую слюну. — Я помню тетрадь. Не маленькая.

Она вскочила в седло и вкрутила педали. Она проезжала мимо знакомых фасадов. Гастроном, аптека, её дом... Окна родной панельки смотрели на улицу мертвыми провалами сквозь бурый смог. Всего сутки. Господи, всего одни сраные сутки назад она думала о каких-то бытовых мелочах.

«Пиздец, — молотило в голове в такт пульсу. — Как так-то? Всего день прошел, а от жизни остались одни ошметки. Если бы я вчера в морге не увидела, как эта Инга плеснула в Пашку кислотой... если бы не видела, как от него за секунды осталась только бурая лужа на кафеле — ни за что бы не поверила, что такая херня вообще возможна. Решила бы, что у всех разом крыша поехала».

Она чувствовала себя крошечной точкой на этом натовском велосипеде посреди оплавленного металла и растворяющихся тел, погруженных в кровавый туман. Женское чутье орало: «Беги!», но бежать было некуда. Вокруг стоял «Кварц».

— Всё, я отключаюсь, — бросила она в микрофон, чувствуя, как злость вытесняет липкий страх. — Скоро буду у отдела.

Лена сжала руль и прибавила ходу. Она должна была доехать до крыльца, на котором еще недавно курила с мужиками, не зная, что мир уже приговорен.

Лена вывернула за угол старой пятиэтажки и резко ударила по тормозам. Впереди, в мареве красно-бурого смога, разыгрывалась сцена из ада.

Из-за угла дома вышел «мертвец» — серая, высохшая мумия с зелеными прожилками вен. Он двигался медленно, почти торжественно. Но за ним по пятам следовала пара существ, буквально лоснящихся от густой бурой слизи цвета сукровицы. Слизистые набросились на «сухого» вдвоем, вцепляясь в него с ходу. Бурая дрянь стекала с их плеч, оставляя дымящиеся следы на асфальте.

«Сухой» не был беспомощным. Когда первый слизистый вцепился ему в плечо, мумия с утробным хрустом перехватила его голову. Одно резкое движение — и череп слизистого лопнул, как переспелый арбуз, забрызгав всё вокруг бурым желе. Второй, попытавшийся зайти снизу, получил удар такой силы, что у него просто вывернуло ногу в обратную сторону. Увидев участь сородича, искалеченный слизистый зашипел и, волоча перебитую конечность, быстро скрылся в густой красно-бурой взвеси переулка.

«Сухой» остался стоять один. Из его плеча и бока, куда попала слизь, повалил едкий дым. Кислота работала быстро: серая плоть на глазах превращалась в лохмотья. Мертвец медленно повернулся к Лене и сделал два шага в её сторону.

Лена замерла, палец лег на спуск Кольта. Мертвец подошел почти вплотную. Он замер, вытянул шею и начал шумно, с присвистом обнюхивать воздух прямо перед её маской. Лена видела каждую чешуйку на его серой коже. Казалось, сейчас последует удар и её

порвут на половые тряпки прямо здесь, на асфальте. Сердце колотилось в горле, но существо вдруг впало в какой-то ступор. Оно качнулось назад, еще раз дернуло остатками носа и, потеряв к ней всякий интерес, медленно заковыляло мимо, вглубь дворов.

— Что за чертовщина... — прошептала Лена, провожая его взглядом.

Она не стала тратить патроны. Когда она уже разворачивала велосипед в сторону участка, позади раздался тяжелый шлепок. Лена обернулась: «сухой» рухнул на колени. Кислота проела его насквозь. Два глубоких, дымящихся прогара — в плече и в животе — практически разделили его тело. Через секунду он окончательно затих.

Лена коснулась гарнитуры.

— Марк! Записывай, блядь, — голос её дрожал от адреналина. — На меня только что напали. Прямо здесь, у пятиэтажки. Сперва друг друга грызли, а потом один на меня попёр.

— Что?! Лена! — в рации грохнуло, будто Марк подскочил вместе со стулом. — Ты цела? Тебя зацепило?! Говори!

— Да цела я, — Лена выдохнула, вкручивая педали. — Этот серый «сухарь» подошел вплотную, обнюхал меня, как собака, и... просто ушел. Впал в ступор и свалил. Но перед этим он размотал двоих слизистых. Марк, запиши: они разные. Одни — серые «сухари», а другие — слизистые, бурые. И их слизь — это натуральная кислота. Теперь я уверена: это они сожрали броню БМП на перекрестке. Она за секунды проедает мясо до кости, а металл для неё — как сахар.

— Oh my God... — Марк затараторил, послышался лихорадочный скрип пера по бумаге. — Обнюхал и ушел? Это невероятно... Но БМП? Если ты права и они сожрали броню, мы тут в ловушке. Сара! Отойди от окна, я сказал! Живо! Сядь в углу и не смей даже шторы трогать.

— Да поняла я, Марк, — отрезала Лена. — Ты на неё тоже не ори, у неё и так мозг разбух от этого кошмара, тошно слушать. Всего сутки прошли, а мир — в труху. Пиздец. Она пронеслась сквозь бурый смог. Лена притормозила у ворот отдела. Здание выглядело мрачным монолитом. На ступенях, припорошенных красной пылью, густо блестели стреляные гильзы от АК, а на массивных дверях остались темные отпечатки ладоней. Оборону держали до последнего.

— Всё, я на месте, — бросила она в микрофон, снимая Кольт с предохранителя. — Вхожу.

Лена остановила «Монтегю» перед фасадом двухэтажного здания РУВД. Зрелище было гнетущим: во дворе замерли два милицейских УАЗика и один «Жигуль». Машины превратились в скелеты, изъеденные рыжей коррозией до самого остова, будто их годами держали в кислотной ванне. Краска слезла лохмотьями, обнажая дырявое железо, которое крошилось даже от легкого дуновения ветра.

Входная дверь в управление была распахнута настежь. В проеме виднелись остатки наспех возведенных баррикад из мебели и мешков, но сейчас они напоминали швейцарский сыр — всё было пронизано сквозными кавернами и проплавленными дырами.

Лена переступила порог, и дерево входной двери под её рукой с сухим шелестом осыпалось рыжей трухой — дверь была практически полностью изъедена, превратившись в гнилую губку.

Она вошла в холл, и в нос сразу ударил тяжелый, концентрированный запах помойки, от которого не спасали даже фильтры. Стены коридора были черными от копоти и испещрены рваными выбоинами от осколков гранат. Кое-где на полу виднелись бурые пятна — застывшие лужицы того, что раньше было людьми. Лену накрыло волной тошноты и липкого ужаса: это место, которое всегда считалось крепостью, превратилось в разделочный цех.

В дежурке окна были старые, деревянные. Рамы не просто выбиты — они были обуглены и оплавлены по краям, превратившись в крошащиеся угли. Окно, выходящее на улицу, зияло рваным проемом, в который лениво затекал красно-бурый смог. Такое же проплавленное отверстие чернело в окне в конце коридора.

Лена заглянула внутрь дежурной части. Там было пусто и гулко. На полу среди мусора тускло поблескивали оплавленные гильзы, сплавившиеся в бесформенные латунные комки. Она попыталась найти журнал вызовов, но от него не осталось почти ничего — только серые хлопья пепла и обрывки истлевшей бумаги, на которых невозможно было разобрать ни единой буквы.

Она прошла дальше к оружейке. Стальная дверь в хранилище была не просто пробита — кислота буквально сожрала металл, оставив рваные, оплывшие края. Лена достала фонарь, щелкнула тумблером и направила узкий, мощный луч внутрь пролома.

Свет выхватил из темноты остатки двух скелетов, лежащих прямо у порога. Кости были выбелены до неестественной, хирургической чистоты. Ни лоскута формы, ни кусочка плоти. Рядом в пыли валялись только почерневшие пряжки от ремней.

Лена медленно повела лучом фонаря по стеллажам внутри оружейки. Внутри царил абсолютная, давящая тишина.

Лена медленно двинулась по коридору первого этажа, стараясь не наступать на бурые лужи, которые пятнали пол через каждые пару метров. Запах гнили и застарелой химии здесь становился почти осязаемым, липким.

Она заглянула в первый кабинет. Дверь висела на одной петле, наполовину съеденная рыжей дрянью. Внутри будто пронесся торнадо: столы перевернуты, стулья размолочены в щепки, шкафы с документами выпотрошены. Бумаги ровным слоем покрывали пол, но самих людей не было — ни живых, ни мертвых. Только пустая, разгромленная коробка из-под чьей-то жизни.

Следующей была бухгалтерия, совмещенная с криминалистической лабораторией. Дверь была распахнута настежь. В центре комнаты, прямо на разбросанных папках, растеклась огромная бурая лужа — такая же, как в коридоре, только здесь она уже успела впитаться в бумагу, превратив отчеты в склизкую массу. Лабораторное стекло на столах было перебито, реактивы перемешались с грязью, создавая невыносимую вонь.

В третьем кабинете Лена замерла, направив луч фонаря в углы. Здесь было двое. Один лежал у окна: кислота прошла по нему «косой», половина туловища была выбелена до костей, а остатки формы намертво приварились к ребрам. Второй труп сидел в углу, прислонившись спиной к сейфу. На нем не было ожогов, но голова была вывернута под совершенно невозможным углом — шею сломали одним резким, чудовищным движением, будто переломили сухую ветку.

Наконец, она толкнула дверь четвертого кабинета — совмещенного оперблока и угрозыска. Едва луч фонаря скользнул внутрь, Лена невольно отступила. Казалось, здесь бушевал пожар, но какой-то странный, точечный. Стены и потолок были покрыты ровным слоем жирной, черной сажи, которая ложилась на всё вокруг хлопьями.

Мебель была превращена в обугленный бардак, сейфы стояли с распахнутыми дверцами, из которых вывалились почерневшие ошметки папок. В воздухе висела едкая гарь, смешанная с тем самым «помоечным» запахом. В кабинете было пусто — ни тел, ни даже костей, только этот выжженный до черноты хаос. Ощущение было такое, будто здесь что-то или кого-то пытались выжечь до основания, но пламя захлебнулось в собственном дыму.

Лена сглотнула подступивший к горлу ком, переводя свет фонаря на лестницу, ведущую на второй этаж.

— Пиздец... — едва слышно выдохнула она в маску. — Марк, ты бы это видел. Тут просто мясорубка была. На первом этаже чисто по нулям, только трупы и сажа. Иду выше.

Лена подошла к лестничному маршу. Дневной свет, пробивавшийся сквозь проплавленные окна дежурки, здесь окончательно вяз в красно-буром смоге и густой копоти. Лестница уходила вверх темным, глухим колодцем — окон здесь не было предусмотрено, а вся система освещения была вырвана с корнем, оставляя после себя только ошметки проводов, свисающих с потолка как дохлые змеи.

Она перехватила фонарь удобнее, прижимая локоть с Кольтом к корпусу. Узкий луч выхватил из темноты крошево на ступенях. Под ногами хрустело битое стекло — судя по характерным горлышкам и запаху керосина, здесь пытались отбиваться самодельными зажигательными смесями. Стены были залиты черной гарью, а на бетонном полу виднелись потемневшие, почти черные потеки крови, смешанные с рыжей пылью. Поднявшись на несколько ступеней, Лена едва не поскользнулась. На площадке между этажами валялись разбитые бутылки и обгоревшие тряпки. Видимо, кто-то из мужиков пытался соорудить здесь огненный заслон, но пламя только закоптило стены, не остановив то, что шло снизу.

Тишина на лестнице была абсолютной, давящей, прерываемой только шорохом её подошв по стеклянной крошке. В этом замкнутом пространстве запах помойки и горелой химии стал невыносимым, пробиваясь даже сквозь угольные фильтры маски.

Лена замерла перед выходом на второй этаж. Луч фонаря дрогнул на тяжелой металлической двери, которая вела в коридор управления.

— Марк, — прошептала она в гарнитуру, едва слыша собственный голос из-за бешеного стука сердца. — Поднимаюсь на второй. Тут всё в копоти и битом стекле. Жгли «коктейли Молотова», крови полно. На лестнице темно, как в могиле. Вхожу на этаж.

Лена навалилась плечом на тяжелую дверь второго этажа. Та поддавалась с противным скрежетом, соскребая слой копоти с пола. Второй этаж встретил её неестественной, стерильной тишиной, которая пугала куда больше, чем разгром внизу. Здесь не было бурых луж и следов гранат.

Она прошла мимо первого кабинета и остановилась у второй двери — массивной, из темного дерева, с латунной табличкой начальника отдела. Дверь была заперта наглухо.

Лена не стала возиться с замком: она достала из крепления на рюкзаке короткий стальной лом, вогнала его в щель между косяком и полотном и с остервенением рванула на себя. Дерево треснуло, замок с мясом вылетел из паза, и дверь с грохотом распахнулась. Внутри кабинета было непривычно светло. Окна здесь были целы, и сквозь них пробивался мутный красно-бурый свет, заливая просторный кабинет. Лена замерла на пороге. Здесь всё выглядело так, будто хозяин просто вышел покурить пять минут назад. Кожаное кресло аккуратно задвинуто, на столе — чистая пепельница и ровная стопка чистых листов. Никакого бардака, ни одной сорванной шторы. Но стоило Лене подойти к сейфу и шкафам, как картина сложилась. Все полки были пусты. Сейф стоял нараспашку — внутри ни одной папки, ни одного секретного протокола. Никаких личных дел, никаких списков личного состава или планов «Кварца». «Золотая жопа» не просто ушла — она эвакуировалась с полным комфортом, подчистив за собой всё, ради чего Лена сюда пробивалась через весь этот ад. — Вот же суки... — прошипела она, проводя рукой по гладкой поверхности пустого стола. Всё управление, все мужики снизу, которые жгли бутылки на лестнице и грызлись до последнего патрона у оружейки, были просто прикрытием. Живым щитом, пока руководство упаковывало чемоданы и жгло или вывозило архивы. Пока опера в угрозыске задыхались в саже, здесь спокойно паковали папки. Лена коснулась гарнитуры. Голос её стал ледяным. — Марк. Я в кабинете «самого». Тут стерильно, как в операционной. — Что нашла? Списки есть? Адреса? — голос Марка в наушнике отозвался лихорадочным ожиданием. — Ни хера тут нет, Марк. Сейфы пустые, полки голые. Они вывезли всё под чистую. Пока пацаны на первом этаже в лужи превращались, начальство эвакуировало свои шкуры вместе с бумажками. Мы опоздали. Тут ловить нечего, всё зачищено до нас. Она со злостью пнула пустое кресло. Весь её рейд, весь риск под «Кварцем» обернулся созерцанием пустого кабинета человека, который бросил свой отдел на растерзание. — Иду в остальные кабинеты, — бросила она. — Может, хоть кто-то из оперов не успел всё сжечь. Но веры в это мало.

Лена вышла из кабинета начальника, чувствуя, как внутри закипает глухая ярость. Она уже собиралась развернуться к лестнице, когда из-за полуприкрытой двери архива в конце коридора донесся короткий, сухой шорох. А следом — едва различимый, срывающийся шепот.

Она мгновенно прижалась к стене, плавно снимая Кольт с предохранителя. Шаг, еще один. Лена резко толкнула дверь плечом, вскидывая ствол.

— Стой, сука! — раздался истеричный крик.

В углу архива, за стеллажами с папками, сидел пацан в измятой лейтенантской форме. Лёня, новенький, которого прислали на распределение всего пять дней назад. Его лицо было белым как мел, губы дрожали, а в глазах застыл такой ужас, что предохранители в голове явно выгорели дотла.

Увидев Лену, он вскинул свой ПМ. Раздался сухой, пустой щелчок. Потом еще один. И еще. Лёня лихорадочно жал на спуск, выпуская в неё «воображаемое поле» — патроны в

магазине давно закончились, но его мозг этого не фиксировал. Он продолжал «стрелять» из пустого пистолета, крича что-то нечленораздельное.

— Лёня, не стреляй! Свои! Живая она! — Куралай Оспанова, бухгалтерша отдела, сидевшая рядом с ним на полу среди архивных коробок, вцепилась пацану в предплечье, пытаясь опустить его руку.

Лена не шелохнулась, держа лейтенанта на мушке Кольта. Она видела, как его трясет.

— Это что еще за красавец тут с тобой обитает, Оспанова? — Лена хмыкнула, не опуская ствол. — Решила под шумок «Кварца» себе свидание замутить по-тихому? Прямо в архиве пригрела?

— Леночка, доченька... — бухгалтерша выдохнула, прижимая свободную руку к груди. — Он совсем ребенок. Его замкнуло, как только внизу жажнуло. Мы тут вторые сутки сидим, со вчерашнего дня окна скотчем заклеили, но дышать уже нечем. Все ушли, Лена... Все уехали.

Лена осторожно коснулась гарнитуры.

— Марк, приём. У меня тут «подарки». Нашла двоих в архиве. Наша Оспанова и лейтенантик, Лёня. Пацан в полном неадеквате, пытался меня из пустого ствола положить. Что делаем?

В рации повисла тяжелая пауза.

— Выжившие? — голос Марка звучал напряженно. — Лена, ты уверена, что они «чистые»? Мы уже полсутки тут кукуем, завтра надо рвать когти отсюда куда подальше, пока город окончательно не растворился. Тащить с собой двоих... Это риск.

— На вид целые, Марк. Сидели запершись со вчерашнего дня. Лишние руки нам завтра, когда будем сваливать, не помешают. Всё равно грузить барахло придется, а две башки в одном котле лучше, чем одна.

— Ладно, пускай, — выдохнул Марк после паузы. — Если выживут до утра — забираем. Но если этот Лёня хоть раз дернется — стреляй первой. Нам психопаты не нужны.

Лена шагнула к выжившим, убирая Кольт.

— Слышал, герой? Ствол в кобуру. Если я еще раз увижу, как ты щелкаешь в мою сторону

— я из тебя вторую бурую лужу сделаю, и Оспанова не поможет. Завтра валим из этого ада, так что твои руки пригодятся — будешь таскать вещи. Понял?

Лёня судорожно кивнул, пряча пустой ПМ. Его всё еще колотило.

— Да... понял. Я думал... я думал, вы из этих, со слизью.

— Поднимаем жопы, — отрезала Лена. — Оспанова, бери самое ценное и за мной. У нас мало времени, эта дрянь снаружи ждать не будет.

Группа из трех человек медленно вышла из архива и направилась к лестнице, оставляя за собой пустые коридоры преданного начальством управления.

Лена погнала выживших вниз. Когда они миновали задымленную лестницу и вышли в холл, Оспанова вдруг охнула и судорожно прижала ладони к лицу, едва не поскользнувшись на бурой луже. Сквозь пальцы было видно, как округлились её глаза при виде того, во что превратились её коллеги. Лёня, наткнувшись взглядом на выбеленные скелеты у входа в дежурку, мешком осел бы на пол, если бы Лена не встряхнула его за шиворот.

— Не спать, лейтенант! Смотри в потолок, если нервы слабые! — рявкнула она. Она подтолкнула их к пробитой двери оружейки.

— Так, быстро внутрь. Лёня, набивай карманы магазинами, хватай цинки. И ищите ящики с ГП-5. Вы без защиты долго не протянете.

Пока они шуршали в темноте, Лена подошла к своему «Монтегю». Она рванула молнию на плотном чехле и вытащила велик на свет. Матовый металл, дисковые тормоза, агрессивная рама — на фоне обглоданных «Уазиков» во дворе это выглядело как инопланетный корабль. Лёня, вынырнув из оружейки в натянутом противогазе, даже замер на секунду, вытаращив стеклянные линзы на это чудо техники.

— Это... это что, велосипед такой? — глухо донеслось из-под резины.

— Это твой билет в жизнь, пацан. Двигай давай.

Лена обернулась к Оспановой. Бухгалтерша стояла пустая, без единой папки или сумки — всё бумажное дерьмо осталось гнить в архиве.

— Вы как, живые? — спросила Лена. — Ели что-нибудь за эти двое суток?

— Сухари грызли... — голос Оспановой из-под маски звучал как из бочки. — И вода в чайнике была. Немного. Но Лёню стошнило утром, когда он в окно посмотрел... так что считай, на голодный желудок сидим.

Лена выругалась про себя, прикидывая их состояние, и нажала тангенту рации.

— Марк, прием! У нас изменение в логистике. Трех на один велосипед я не впихну, даже на такой крутой. Гони «Москвич» к управлению.

В рации раздался такой скрежет, будто Марк на ходу перекусил карандаш.

— Ты что, совсем долбанутая, Лена?! — заорал он. — Какой «Москвич»? Там смог такой, что фильтры забьются! Я тебе не такси-сервис в аду!

— Маркуша, радость моя, — Лена привалилась плечом к обглоданному косяку. — Ты не ори, а заводи мотор. Я же эти «подарки» не в лотерею выиграла, чтобы их тут бросать. Давай, гони коней, или мне придется заставить лейтенанта бежать трусцой за моим великом, а он и так пустой, два дня на сухарях, того и гляди копыта отбросит прямо на асфальт.

— Пиздец... — донеслось из рации вместе с тяжелым вздохом. — Ладно. Пять минут. Если нас по дороге сожрут из-за твоей благотворительности, я тебя лично в ту бурю лужу макну. Выдвигаюсь.

— Люблю тебя, когда ты злишься, — хмыкнула Лена и обернулась к выжившим. — Слышали? Карета подана. Лёня, хватай ящик с патронами. Оспанова, держитесь за ним. Выходим на свет божий. Под ноги не смотреть! Только вперед!

Сара сидела за рулем в сером «наморднике» ГП-5. Из-под резинового капюшона выбились пряди волос, а за стеклами окуляров читалась смесь ярости и напряжения. Она резко крутанула руль, объезжая кусок дымящегося асфальта у крыльца РУВД.

— Сарочка, радость моя, — Лена сплюнула на крошащийся бетон и кивнула на своих спутников. — Вот, принимай пополнение. Рекруты, мать их.

— Марк сказал, раз ты такая добрая — сама и развлекайся, — голос Сары из-под клапана звучал глухо и скрежещающе. — А он базу сторожить остался. Сказал, что личным извозчиком в ад не нанимался.

— Вот же ревнивая кобыла... — проворчала Лена себе под нос. Она не стала бросать «Монтегю» как попало: ловким движением сложила раму и быстро втиснула велик обратно в плотный чехол. Нехер добро оставлять в этой кислотной бане — вещь дорогая. Застегнув молнию, она закинула упакованный байк в багажник, придавив его сверху тяжелым ящиком с патронами.

Ошалевшую Оспанову Лена буквально затолкнула на заднее сиденье, следом впихнула Лёню. Сама запрыгнула на переднее, едва успев захлопнуть дверь.

— Гони! — скомандовала она.

«Москвич» рванул с места, выжимая всё возможное. Не успели они проехать и пару кварталов, как земля под колесами вздрогнула. Слева, окутанная едким дымом, начала медленно оседать старая хрущевка. Кислота доела несущие конструкции, и пятиэтажка сложилась внутрь себя с тяжелым, утробным гулом. Лёня и Оспанова вжались в сиденья, их челюсти буквально отвисли под резиной масок. Но тут же справа, почти вплотную к борту, затрещала еще одна постройка — магазинчик просто лопнул, и крыша рухнула на тротуар, едва не зацепив крыло машины обломками кирпича.

— Дави на газ, Сарочка! — заорала Лена. — Всё падает!

Машина ползла сквозь бурое море минут десять. Видимость упала до пары метров, фары пробивали взвесь лишь тусклыми пятнами. Сара вцепилась в баранку, дергая рычаг переключения передач с таким хрустом, будто пыталась перемолоть камни в коробке.

— Ну ты и шумахер, Сарочка, — пробормотала Лена, когда машина в очередной раз подскочила на обломке. — Мы так до следующего конца света добираться будем.

Понежнее с ним.

— Сама сядь за это пианино! — зло донеслось из-под противогаза Сары. — Тут педали живут своей жизнью, а руль как к бетономешалке приварен! Я вообще не понимаю, как эта груда металлолома еще катится. Она же сейчас развалится прямо под нами!

Лена обиженно засопела и похлопала по торпеде, как по плечу друга.

— Слышь, ты на мой «Москвич» батон не кроши! Он еще твоего Марка переживет. Сорок лет машине, от деда достался — семейная реликвия. Он на честном слове и дедовской совести держится, так что не ворчи. Это танк, а не машина.

Несмотря на придирки, движок работал ровно, вытягивая колымагу через завалы.

Машина аккуратно притерлась к обочине у входа в мемориал. Сара заглушила мотор, и в салоне воцарилась тишина.

— Приехали, — выдохнула Лена. — Выгружаемся.

Она первой выскочила наружу. Тишина вокруг мемориала казалась звенящей.

— Лёня, Оспанова, на выход! Быстро в здание. Марк уже ждет своих «подарков». Сара выбралась из-за руля, с подозрением глядя на притихший «Москвич».

— Больше я за эту «реликвию» не сяду. Пусть Марк сам на этом антиквариате в ад за продуктами ездит.

Лена только хмыкнула, вытаскивая из багажника свой «Монтегю» и ящик с патронами.

Группа, тяжело дыша через фильтры, двинулась к массивным дверям убежища.

Выжившие всё еще переваривали тот факт, что этот «динозавр» советского автопрома реально вытащил их живыми из рассыпающегося города.

Сара заглушила мотор, и в наступившей тишине было слышно только, как остывающий металл «Москвича» издает редкие, усталые щелчки. Она стащила с лица потную резиновую маску, жадно глотая воздух у входа в здание, и с подозрением уставилась на Лёну.

— Слушай, — Сара кивнула на ободранный, засаленный руль. — Ты серьезно? Этому корыту реально сорок лет? Как оно вообще не рассыпалось, когда хрущевка рядом складывалась? Оно же дребезжит так, будто внутри ведро с болтами перекачивается. Лёна тоже стянула маску, вытирая лицо рукавом, и весело прищурилась, глядя на ошарашенную подружку.

— Да нет, ты чего? — она звонко хохотнула, похлопав машину по приборной панели. — Подколола я тебя, Сарочка! Какое сорок? Лет десять ему от силы, почти новенький по нашим меркам. Просто жизнь у него была бурная, вот и выглядит на все сто.

Сара замерла с маской в руках, переводя взгляд с Лёны на «Москвич» и обратно.

— Десять? А ты плела про сорок лет, про семейную реликвию...

— Так от деда и достался, это чистая правда! — Лёна развела руками, едва сдерживая смех. — Дед его в своё время по какому-то лютому блату выцепил, берег как зеницу ока. Реально его машина была, он на ней на дачу кабачки возил и пылинки сдувал. А то, что выглядит сейчас как рухлядь с помойки — так это жизнь под «Кварцем» его так подрихтовала. Зато едет, и как едет!

Лёна хитро прищурилась, глядя, как Сара пытается сообразить, где её надули.

— И не надейся, что я тебе дам моего любимца вот так запросто открыто обсуждать и унижать. Еще раз про него плохо скажешь — я тебя опять газетой изобью, поняла? Вижу, понравилось, как я тебя в чувство привожу. Будешь ворчать на мою машину — добавлю! Думала, я промолчу, пока ты его корытом называешь? Обойдешься! Для тебя это груда металла, а для меня — боевой товарищ. Прикуси язык.

Она посерьезнела и, понизив голос, придвинулась к Саре, кивнув в сторону застывших у машины Лёны и Оспановой.

— Слушай, — вкрадчиво прошептала Лёна. — Ты вперед беги и передай Марку: пускай некоторые вещи поубирает с глаз долой. Чтобы нам не спалиться раньше времени. Оспанову-то я знаю, она наша, но вот этого лейтенанта я сама впервые в жизни вижу. Темная лошадка. Нечего ему наш внутренний расклад знать и шорох раньше времени наводить. Поняла?

Сара молча кивнула, мгновенно оценив расклад.

— И еще, — добавила Лёна с вредной усмешкой. — Передай этому твоему Марку, что он сегодня по шапке получит. Сказал, что сам приедет, а в итоге тебя отправил, неподготовленную? Под самый смог! Нашел, блин, кого подставлять. Скажи ему — я всё запомнила, пускай готовится.

Сара только закатила глаза и устало махнула рукой в сторону гаражных ворот.

— Ладно, шутница... Загоняй своего «дедушку» в гараж, пока он тут окончательно в асфальт не врос. И этих двоих забирай.

Лёна кивнула выжившим, которые всё еще испуганно озирались по сторонам.

— Слышали команду? Шевелитесь, герои. Загоняем технику и заходим.

Она снова прыгнула на водительское сиденье, коротко рыкнула мотором и аккуратно ввела «Москвич» в полумрак гаражного бокса. Тяжелые створки ворот со скрипом

сошлись, отсекая их от красно-бурого безумия снаружи. Группа потянулась к дверям мемориала, оставляя верного «динозавра» остывать в тени.

Тяжелые двери мемориала с гулким лязгом закрылись за их спинами. Внутри пахло старым камнем, сухой пылью и чем-то неуловимо домашним — гарью от плиты и заваренным чаем. Сара сразу ушла вперед, явно торопясь выполнить поручение Лены и «подчистить» лишнее.

Лена завела Лёню и Оспанову в общую залу, где за столом, заваленным схемами и какими-то железками, сидел Марк. Он поднял голову, окинул взглядом пополнение и молча кивнул, не задавая лишних вопросов — Сара уже успела шепнуть ему пару слов. — Проходите, присаживайтесь, — Лена кивнула на тяжелые стулья. — Сейчас Сара сообразит чего-нибудь перекусить.

Когда перед выжившими появились миски с дымящейся кашей и тушенкой, в комнате стало совсем тихо. Лёня и бухгалтерша ели так, будто это был их последний ужин. Лена отодвинула стул, села напротив пацана и в упор уставилась на него.

— Так, выжившие, сначала главный вопрос: в кого-нибудь из вас эти гады попали? Царапины, укусы, плевки этой дрянью? Говорите честно, от этого зависит, доживете ли вы до утра.

Оспанова только головой мотнула, не отрываясь от кружки, а Лёня просипел:

— Нет... Вроде пронесло. Мы в архиве забаррикадировались.

— А стрелять-то пробовал? — Лена кивнула на его кобуру. — Успел хоть кого-нибудь из этих заземлить?

Лёня замялся, опустил глаза.

— В парочку... ну, попал. Видел, как дернулись. Но не убил, кажись. Страшно было... руки ходуном ходили.

Лена вдруг мягко усмехнулась и хлопнула его по плечу.

— Страх — это нормально. Знаешь что, лейтенант? А ты молодец. Везунчик, честное слово. Повезло тебе, в рубашке родился, что в ту смену в управлении оказался и сообразить успел. Это хорошо, что тебе везет — нам такие люди нужны.

Она полезла в карман, выудила удостоверение и небрежно бросила его на стол. Лёня открыл корочку, прочитал: «Майор». Посмотрел на Лену, хотел было вскочить и вытянуться во фрунт, но она остановила его жестом.

— Сиди, герой. С этой минуты ты переходишь в моё прямое распоряжение. И давай сразу договоримся: устав здесь не работает, званиями мериться некогда. Общайся по-человечески, без этого «товарищ майор» через слово. Ты у нас свеженький, мы тут уже плюс-минус поняли, что к чему, но по факту — понятно только то, что ничего не понятно. Теперь рассказывай, как ты с бухгалтершей один остался? Где опера, где начальство? Лёня тяжело вздохнул, шмыгнув носом.

— Да оперов я в коридоре видел... тех, кто в управлении остался. Они... ну, вы сами видели, во что превратились. А начальство... Сразу после того, как сирена завывала, за начальником отделения черная «Волга» приехала. Номера не наши, точно не из города. Начальник сказал, что поедет узнает, что происходит. Сел и уехал. А нас не взял — сказал, я еще зеленый, в дежурке посижу. Ну, я и посидел... Когда эта херня полезла, Оспанову из коридора затащил и в архив. Двое суток там гнили.

Лена задумчиво постучала пальцами по столу, переглянувшись с Марком. Черная «Волга» с чужими номерами за начальником в самый пик заварухи — это пахло чем-то покрупнее, чем просто нашествие монстров.

— «Волга», значит... Интересно кино получается, — хмыкнула Лена. — Ладно, доедай кашу, Везунчик. Сейчас отдохнете, а потом будем думать, как нам этот Шорох разгрести.

Лена отодвинула пустую миску, сцепила пальцы в замок и облокотилась на стол. Взгляд её стал тяжелым, по-настоящему майорским. Она обвела глазами притихших выживших, заставляя их оторваться от кружек с чаем.

— Теперь слушайте сюда оба, — голос Лены зазвучал глухо, без тени недавней шутливости. — Раз вы здесь, значит, вы с нами. Но колхоз — дело добровольное. Если не нравится компания или наши методы — дверь вон там, никто вас на цепи держать не будет. Но имейте в виду: всё, что вы здесь увидите, и всё, о чём мы тут говорим, остается в этих стенах. Вышли за порог — забыли. Нарушите — пеняйте на себя, время сейчас такое, церемониться не станем. Понятно?

Лёня быстро кивнул, а Оспанова замерла, судорожно сжимая в руках пустую кружку. Её губы задрожали, она явно собиралась что-то сказать, но Лена перебила её, жестко выставив ладонь вперед.

— Стоп, Оспанова. Сразу притормози. Я знаю, что ты сейчас скажешь. Про семью, про дом... Просить будешь съездить за ними, проверить, спасти. Так вот — забудь. Мы не спецназ КГБ и не служба спасения. У нас нет ни ресурсов, ни лишних жизней, чтобы играть в героев по всему городу. Мы сами не знаем до конца, что, почему и как тут происходит. Ехать сейчас в жилые кварталы — это билет в один конец, причём для всех нас. Так что сиди ровно и не трави душу ни себе, ни нам.

Оспанова всхлипнула, поглядывая на тяжелый телефонный аппарат, стоящий на тумбе в углу. Лена заметила этот взгляд и чуть смягчила тон.

— Ладно, Оспанова. Попробуй, накрути диск. Если получится — бог в помощь. Но давай на берегу: шансов, что тебе ответят — ноль. Станции наверняка накрылись, провода либо перегнили, либо их этой кислотой сожрало. Если услышишь гудки — считай, чудо. Если нет — вешай трубку и забудь.

Бухгалтерша бросилась к телефону, неистово крутя диск и срывая ногти о пластик. В тишине комнаты скрежет возвращающегося диска звучал как приговор. Она прижала трубку к уху, замерла на минуту и с глухим всхлипом бросила её на рычаги. Мертвая тишина.

— Поняла? Вот и молодец. Оставь технику в покое, связи больше нет. Городской телефон тебе теперь только как грузило для закидушки пригодится.

Лена встала, кивнув Саре:

— Сара, отведи их, покажи, где у нас матрасы. Пускай отдыхают два часа. Лейтенант, ты тоже ложись, Везунчик. Набирайся сил.

Она дождалась, пока Сара уведет выживших, и в столовой остались только они с Марком. Марк сидел хмурый, подпирая голову кулаком. По его виду было ясно: Сара уже успела на ходу вывалить на него все новости и претензии Лены ещё в дверях, так что повторять одно и то же смысла не было.

Лена молча подошла к окну, затянутому мутной пленкой, и долго смотрела на бурое море снаружи. Она чувствовала, как внутри закипает глухое раздражение — и на этот город, превращающийся в кисель, и на внезапное «пополнение», которое теперь балластом висело на плечах.

— Ну что, Марк, — не оборачиваясь, тихо сказала она. — Пополнение прибыло. Один зеленый лейтенант и бухгалтерша с разбитым сердцем. Шикарный отряд для спасения, не находишь? Посмотрим, как они запоют, когда «мумии» придут за ними прямо сюда. Марк наконец поднял голову, тяжело глядя ей в затылок.

— Какие еще «мумии»? Ты про тех облезлых в управлении? — он криво усмехнулся, хотя в глазах не было и тени веселья. — Ты их так теперь величаешь?

Лена медленно обернулась, сложив руки на груди.

— А какая разница, как называть то, что еще вчера было твоим соседом или сослуживцем, а сегодня жрет всё, что шевелится? Мумии, не мумии... Суть не меняется. Город переваривается, Марк. А мы сидим в этой бетонной коробке и ждем, когда за нами придут «хозяева» этого нового мира.

Лена отошла от окна и вплотную приблизилась к Марку, нависая над столом.

Раздражение, которое она сдерживала при новеньких, наконец выплеснулось наружу.

— А теперь слушай сюда, стратег хренов, — процедила она сквозь зубы. — Чтобы это был последний раз, когда ты отправляешь Сару одну в такое пекло. Мы с тобой — два дебила со стажем, мы хоть что-то можем в этой каше изобразить, у нас шкура дубленая. А она? У неё опыта — ноль целых хрен десятых. Она там под первым же завалом бы осталась, если бы не фарт. Рисковать ею понапрасну я тебе больше не позволю. Пусть здесь помогает, в мемориале, тут работы за глаза, а в город соваться ей нечего. Понял меня?

Марк ничего не ответил, только челюсти сжал так, что желваки заходили. Лена выдержала паузу, давая ему переварить сказанное, и добавила уже спокойнее, но с нажимом:

— Я понимаю, что ты тут вроде как начальство, Марк. Но за такие фокусы я тебе всё равно по башке настучу, и не сомневайся. Так что поступим, как ты и говорил — завтра разберемся по полной, а пока просто прими к сведению.

Марк хмуро кивнул и спросил, не поднимая глаз:

— Ну что там по связи? Группа отозвалась? Хоть какой-то сигнал поймал, пока меня не было?

— Нет, — коротко бросил он, глядя в стол. — Глухо. Вообще ничего. Будто эфир вырезали вместе с городом. Ни наши, ни соседи — тишина в тряпочку.

Лена тяжело опустилась на стул рядом. Усталость навалилась свинцом.

— Хреново. Но есть кое-что поинтереснее, Марк. В управлении, знаешь, какая картина? Машины на стоянке — в хлам. Те, что под открытым небом стояли, вообще как обглоданные скелеты: краска слезла, резина стекла лужами, кузова до дыр проело. В дежурке даже гильзы оплавившись в латунные комки. В оружейке стальную дверь кислота сожрала, а внутри — только скелеты вперемешку с амуницией. Даже кости у них какие-то серые стали, пористые. Но самое странное не это.

Она понизила голос и пристально посмотрела на Марка.

— Лейтенант говорит, что как только сирена завывала, за начальником управления черная «Волга» приехала. Не наши номера, не городские. Шеф прыгнул в неё и поминай как звали. Свалили раньше всех, понимаешь? Будто ждали этого сигнала.

Марк наконец поднял голову, и в его глазах промелькнуло тяжелое раздумье.

— «Волга», значит... — медленно повторил он. — Уехали, как только завывало.

— Вот именно. Пока опера там в кашу превращались, начальство уже где-то в безопасном месте кофе пило. Ты подумай об этом на досуге, Марк. От чего они так резво припустили и куда именно подальше от этого ада. Похоже, кто-то знал расклад заранее, пока мы тут вслепую по лужам прыгаем.

....